К454/98

АРК. АВЕРЧЕНКО. А. БУХОВЪ.
В. АЗОВЪ. О. Л. Д'ОРЪ. ТЭФФИ.

„ТЕПЛАЯ КОМПАНІЯ"

(СЪ КѢМЪ МЫ ВОЮЕМЪ)

ИЗДАНІЕ
ЖУРНАЛА
НОВ. САТИРИКОН.

K45-4/98

В-Ф
49345
I 2/109 К45 4/98
2701
К45 4/98

ТЕПЛАЯ КОМПАНІЯ.

(Тѣ, съ кѣмъ мы воюемъ)...

ПЕТРОГРАДЪ.
Типографія „Викторія", Знаменская ул., 17.
1915.

БИБЛИОТЕКА
Государ. Историч. Музея
№ 21162
5 " XII 1936 г.

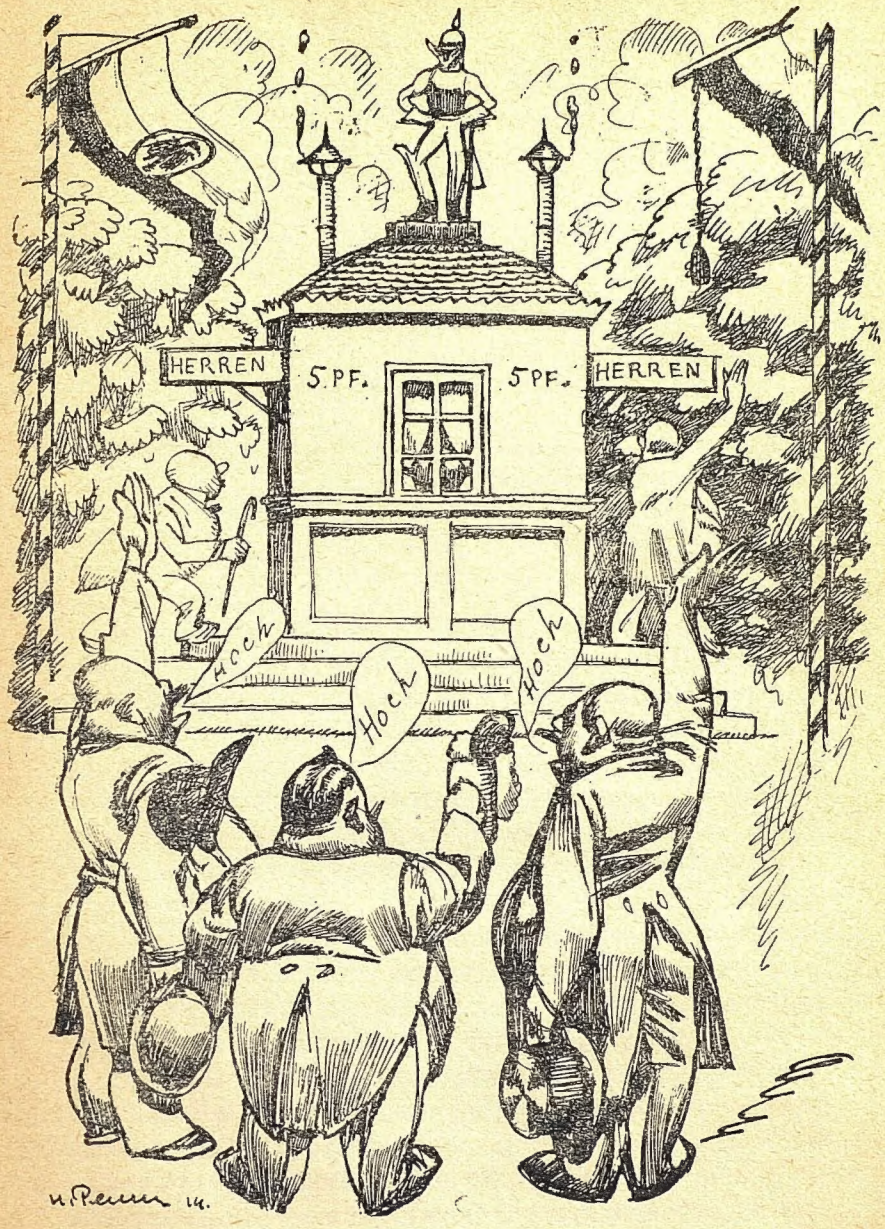
М

ВЛАД. АЗОВЪ.

ГЕРМАНІЯ.

(Введеніе къ познанію оной).

Рис. Ре—ми.



ГЕРМАНІЯ.

(Символическій рис. Ре—ми).

ГЕРМАНІЯ.

(введеніе къ познанію оной).

Счастливъ тотъ кто сшилъ себѣ
Въ Гамбургѣ штанишки.
Благодаренъ онъ судьбѣ
За свои дѣлишки.
Н. В. Гоголь.

На порядочной картѣ Европы Германію найти довольно легко. Закройте правою пятернею Россію, лѣвою—Францію, а бородою или хоть голымъ подбородкомъ навалитесь на Австрію. Передъ вашими глазами возникнетъ тогда на картѣ бурое, цвѣта запекшейся крови, пятно, имѣющее очертанія не то драконизированнаго борова, не то оборовленнаго дракона. Это бурое пятно и есть та загадочная страна, которая съ 1871 года называется Германіей, а раньше не называлась никакъ или же называлась въ просторѣчіи Нѣметчиной. Это бурое пятно и есть то безцеремонное государство, которое въ 1871 году плюхнулось въ самую середину карты Европы, заставивъ всѣхъ потѣсниться.

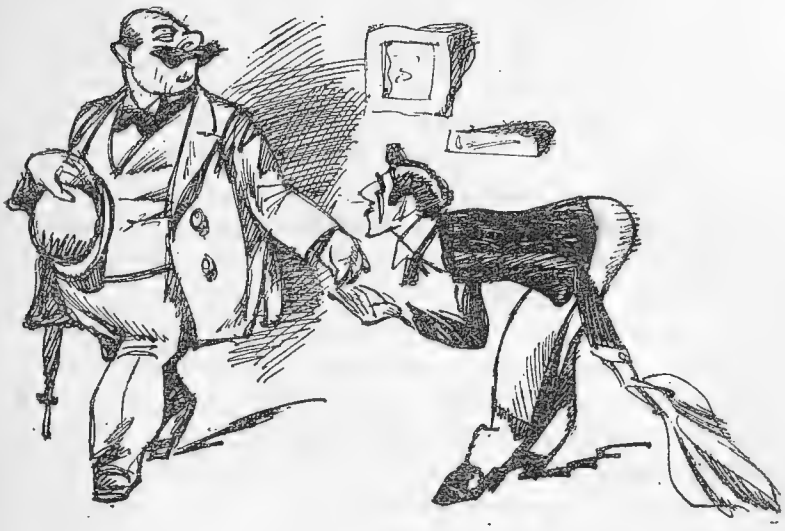
Если бы какой-нибудь дуракъ вздумалъ протянуть поперекъ всей Германіи веревку, вродѣ какъ у насъ, въ провинціи, протягиваютъ черезъ весь дворъ—для сушки бѣлья,—понадобилось бы съ сѣвера на югъ вервіе длиною въ 853 версты. Такой веревки, конечно, не най-

дется даже въ прославленной своею канатной промышленностью Германіи. Тѣмъ не менѣе нѣкоторые позволяютъ себѣ утверждать, что имъ удалось измѣрить Германію не только поперекъ, съ сѣвера на югъ, но и вдоль—съ запада на востокъ, и что будто бы на это дѣло пошло 1265 верстъ тонкаго шпагату. Это представляется намъ просто нелѣпымъ хвастовствомъ, и мы не замедлимъ пояснить наше утвержденіе наглядным примѣромъ.

Считая, что на пускъ хорошаго змѣя, съ гребешкомъ и барабаномъ, требуется (maximum!) сто саженъ тонкаго англійскаго шпагата, мы видимъ, что длины Германіи съ запада на востокъ хватило бы на пускъ однимъ гимназистомъ 6325-ти змѣевъ или, что въ результатѣ одно и то же,—на пускъ 6325-ю гимназистами каждымъ по одному змѣю. Эти соображенія безъ дальнѣйшихъ комментаріевъ доказываютъ, насколько преувеличенными являются, распространяемыя, конечно, самими нѣмцами,—свѣдѣнія о длинѣ Германіи.

Эта любопытная страна, которую съ сѣвера съ незапамятныхъ временъ омываютъ, но, повидимому, никакъ не могутъ омыть, цѣлыхъ два моря, населена нѣмцами въ количествѣ 68.237.416 экземпляровъ, не считая канцлера Бетманъ-Гольвега и бывшаго германскаго посла въ Петроградѣ графа Пурталеса. Добросовѣстнѣйшіе статистики утверждаютъ, что въ Германіи на каждые 100 жителей приходится 93 нѣмца. Куда же спрашивается, дѣваются остальные 7, которыхъ не хватаетъ до каждой сотни? Не надо быть особенно прозорливымъ, чтобы сейчасъ же догадаться, что эти 7 нѣмцевъ изъ каждой сотни составляютъ кадры германскаго шпіонажа.

Нѣмцы, населяющіе Германію, раздѣляются на всенѣмцевъ, прусскихъ нѣмцевъ и остальныхъ нѣмцевъ.



...объ ихъ кельнерахъ, кланяющихся въ поясъ за данный на чай зильбергрошъ.

Германскіе все-нѣмцы отличаются тѣмъ, что они живутъ въ Австріи. Прусскіе нѣмцы отличаются тѣмъ, что считаютъ всѣхъ остальныхъ нѣмцевъ дураками, а всѣ остальные нѣмцы—тѣмъ, что считаютъ прусскихъ нѣмцевъ выскочками, грубіянами и невѣжами. Исключеніе составляютъ только саксонцы, которыхъ прусскіе нѣмцы считаютъ и дураками и невѣжами и которые сами себя считаютъ единственными настоящими нѣмцами. Кромѣ нѣмцевъ, Германію населяютъ еще нѣмки и нѣмчики, извѣстные подъ общимъ названіемъ нѣмчура.

Первыя свѣдѣнія о нѣмцахъ привезли въ Россію русскіе путешественники, возвращавшіеся черезъ нѣмецкія земли изъ Парижа. Они распространяли слухи

объ услужливости нѣмцевъ, объ ихъ скромномъ и почтительномъ поведеніи, объ ихъ кельнерахъ, кланяющихся въ поясъ за данный на чай зильбергрошъ, о раболѣпномъ ихъ преклоненіи передъ титулами и званіями и объ ихъ любви къ сосискамъ, музыкѣ, пиву и дѣвушкамъ съ ангельски чистыми глазами, умѣющимъ проворно вскакивать на колѣни къ завсегдатаямъ ихъ пивныхъ. Нѣмцы намъ сразу понравились и нѣкоторые даже геніальные русскіе люди (напримѣръ, Гоголь) считали счастьемъ обзавестись въ Гамбургѣ парою штановъ изъ свѣтлой нанки, а Аксаковъ приходилъ въ восторгъ отъ нѣмецкаго угощенія, заключавшагося въ бутербродахъ, которые гости приносили каждый съ собою и каждый для себя. При ближайшемъ, однако, знакомствѣ съ нѣмцами у насъ наступило нѣкоторое разочарованіе, и тотъ же Гоголь, не успѣвъ еще, можетъ быть, износить нанковые штаны, заказанные въ Гамбургѣ, со всѣмъ ядомъ своей сатиры обрушивается на петербургскихъ нѣмцевъ. Тургеневъ влюбляетъ своего Санина, хотя и въ Германіи, въ итальянку и оставляетъ одно изъ картиннѣйшихъ описаній нѣмецкой наглости. Что же касается Салтыкова-Щедрина, то его нѣмецкій мальчикъ въ штанахъ, противопоставленный русскому мальчику безъ штановъ, заставляетъ цѣлое поколѣніе смотрѣть на нѣмцевъ не безъ ужаса. Впрочемъ, къ этому времени, къ эпохѣ Щедрина, нѣмцы превратились уже изъ любителей музыки и пива въ любителей французскаго шампанскаго и крупповскихъ орудій.

Къ этому же времени относится изобрѣтеніе нѣмцами обезьяны, давшее колоссальный толчокъ нѣмецкой промышленности.

Кто именно изъ нѣмцевъ изобрѣлъ обезьяну, до сихъ поръ не установлено, и пруссаки приписываютъ

честь этого изобрѣтенія себѣ, въ то время какъ швабы считаютъ, что идея этого изобрѣтенія принадлежитъ во всякомъ случаѣ имъ. Какъ бы то ни было, съ изобрѣтеніемъ обезьяны, нѣмцы покрыли свою страну фабриками, заводами и мастерскими, цѣлью которыхъ явилось всемѣрно обслуживать и удовлетворять, иногда даже предупреждая ихъ, потребности этого замѣчательнаго во многихъ отношеніяхъ животнаго. Для удовлетворенія потребности обезьяны въ дешевой (обезьяны, какъ извѣстно, не богаты) роскоши, нѣмцы понастроили въ своихъ городахъ многоэтажные магазины съ продажею въ нихъ за гривенникъ цвѣтныхъ галстуховъ и за полтинникъ персидскихъ ковровъ. У нихъ появились рестораны, вмѣщающіе до 3.000 четверорукихъ, автоматическія закусочныя съ отпускомъ собачьей колбасы, мѣста для отправленія естественныхъ потребностей, разукрашенныя какъ дворцы и, наконецъ, колоніи во всѣхъ частяхъ свѣта. Изобрѣтеніе обезьяны дало также толчокъ и направленіе нѣмецкой литературѣ. Для удовлетворенія духовныхъ потребностей и любопытства этого животнаго нѣмцы затѣяли безчисленные юмористическіе журналы, которые, подъ названіемъ Witz-blätter, совершенно вытѣснили съ книжныхъ полокъ творенія писателей эпохи гамбургскихъ нанковыхъ штановъ. Для удовлетворенія эстетическихъ запросовъ обезьяны нѣмцы соорудили въ Берлинѣ извѣстную всѣмъ Аллею Побѣды, а въ Мюнхенѣ открыли въ огромномъ стеклянномъ дворцѣ постоянную картинную выставку. Такимъ образомъ, въ служеніи обезьянѣ даже непримиримые швабы, приписывающіе честь изобрѣтенія обезьяны себѣ, подали руку своимъ извѣчнымъ врагамъ пруссакамъ.

Изобрѣтеніе обезьяны, давшее такой колоссальный толчокъ промышленному и торговому развитію Германіи, не могло не отразиться и на ея политикѣ. Съ мо-

мента изобрѣтенія обезьяны для Германіи открывается эра усиленныхъ вооруженій и ея мечтою становится создать флотъ, превосходящій по силѣ и количеству судовъ флотъ давней владычицы морей Великобританіи. Собственныя колоніи для культуры кокосовыхъ орѣховъ и собственный флотъ для перевозки ихъ. Это на морѣ. А на сушѣ: собственные щипцы для раскалыванія привезенныхъ на собственныхъ судахъ изъ собственныхъ колоній орѣховъ, сработанные собственными руками изъ собственныхъ матеріаловъ.

Если, зажмуривъ глаза, вы ткнете указательнымъ перстомъ въ середку бураго пятна, обозначающаго на картѣ Германію, вы закроете мягкой подушечкой, которою, надѣюсь, заканчивается вашъ указательный палецъ, Берлинъ съ его окрестностями. Оффиціально, по географическому паспорту именуемый просто Берлиномъ, этотъ городъ, расположенный по обоимъ берегамъ ничтожной рѣченки Шпре, сталъ титуловаться нѣмцами, со времени изобрѣтенія ими обезьяны, самыми почетными титулами. Его называютъ Аѳинами на Шпре, Римомъ на Шпре, Москвою на Шпре, Парижемъ и

послѣдній фавнъ поступилъ вертѣльщикомъ „чертова колеса“ въ Луна-Паркъ.

Лондономъ на Шпре и даже Калькутою и Гайдерабадомъ на Шпре. Когда все это перестало удовлетворять тщеславіе нѣмцевъ, они оффиціально окрестили свой Берлинъ великимъ Берлиномъ, и ужъ тутъ иностранцамъ ничего не осталось, какъ повторять за этими чудаками: Gross Berlin. Чтобы хоть какъ-нибудь оправдать это свое наименованіе, Берлинъ, не будучи въ состояніи сдѣлаться дѣйствительно великимъ, сталъ въ одинъ прекрасный день очень большимъ. Сдѣлано это было по системѣ удава: Берлинъ проглотилъ окружавшіе его кольцомъ маленькіе города и включилъ ихъ въ сѣть своихъ желѣзныхъ дорогъ и своихъ пивныхъ и закусочныхъ. Вывѣска „Ашингера“, возвѣщающая пиво и сосиски, протянула свои щупальцы отъ центра стараго Берлина вплоть до опушки Грюневальдскаго лѣса. Говорятъ, когда это произошло, послѣдній фавнъ, уцѣлѣвшій какимъ-то чудомъ въ этомъ прославленномъ лѣсу, вышелъ изъ онаго, ударилъ шапку о земь и поступилъ вертѣльщикомъ „чортова колеса“ въ открывшійся поблизости Луна-Паркъ. А проживавшая на опушкѣ лѣса послѣдняя Гретхенъ пошла въ тотъ же Луна-Паркъ въ „биръ-мамзели“.

Сдѣлавшись непререкаемымъ центромъ Германіи, какъ въ отношеніи матеріальной культуры, такъ и въ отношеніи культуры духовной, Берлинъ не замедлилъ наложить на Германію свой тяжелый штампъ. Глядя на берлинцевъ, всѣ нѣмцы превратились въ комми-вояжеровъ, шумливыхъ, пестро-одѣтыхъ, грубыхъ, курящихъ сквернѣйшія сигары и носящихъ усы по образу и подобію кайзера. Берлинъ превратился въ какую-то грандіозную парикмахерскую для оболваниванія всѣхъ нѣмцевъ на одинъ, къ тому же пошлый, образецъ. Нѣмцы стали до того похожи другъ на друга — всей внѣшностью, костюмомъ, манерами, рѣчью, привычками, —

что стало необыкновенно трудно различать ихъ. Иностранецъ раскланивается со знакомымъ нѣмцемъ и мучительно думаетъ: „кто это такой? Профессоръ Шульце, у котораго я слушаю курсъ исторіи римскаго права, или сапожникъ Шмидтъ, который, подлецъ, взялъ съ меня 2 марки 60 пфениговъ за бумажныя подметки“?

Нѣкоторые иностранцы даже съ ума отъ этого всенѣмецкаго сходства сходили и ловили себя на томъ, что слушаютъ лекціи у сапожниковъ или лѣчатся у портныхъ. Въ семейную жизнь самихъ нѣмцевъ это всенѣмецкое сходство, эта нивелировка подъ Берлинъ внесла также не мало разстройства. Констатированы были десятки тысячъ случаевъ, когда нѣмки вполнѣ искренно принимали своихъ любовниковъ за своихъ мужей и наоборотъ. Масса было также случаевъ, когда кондуктора берлинскихъ трамваевъ, не будучи въ состояніи распознать, гдѣ кончаются они и гдѣ начинается публика, сами съ себя,—и пренахально!—требовали деньги за проѣздъ. Дошло до того, что кайзеръ, чтобы не быть смѣшиваемымъ съ другими нѣмцами, абсолютно на него похожими и во всемъ ему подобными, вынужденъ былъ завести себѣ оригинальный автомобильный гудокъ, исполняющій нѣсколько тактовъ изъ „Проклятія Вотана“, и вмѣстѣ съ тѣмъ запретить остальнымъ нѣмцамъ пользоваться гудками, исполняющими какой бы то ни было мотивъ. Нѣкоторые особо умные нѣмцы призывали къ борьбѣ съ этимъ всеобщимъ обезличеніемъ, резонно усматривая въ немъ мееть обезьяны, вызванной нѣмцами къ тревожной

жизни изъ сладкаго небытія. Но, злоупотребляя своимъ, еще Берне кодифицированнымъ правомъ быть глупыми, нѣмцы и слушать не хотѣли своихъ умныхъ людей. Зато призывы вродѣ тѣхъ, что нѣмецкая культура должна быть палками вколочена въ тупыя славянскія головы, пользовались у нихъ неизмѣннымъ успѣхомъ и вызывали восторженные клики „hoch“. Всѣ головы, кромѣ подстриженныхъ подъ берлинскую машинку и украшенныхъ усами по-кайзерски, стали казаться нѣмцамъ тупыми. И очень серьезные нѣмцы, не будучи въ состояніи примириться съ такимъ, напримѣръ, возмутительнымъ фактомъ, что вотъ Микель Анджело былъ великимъ художникомъ, а не былъ нѣмцемъ, — повели обширныя историческія розысканія съ цѣлью доказать, что всѣ великіе люди прошлаго были нѣмцами. Это имъ удалось и нѣмцы окончательно увѣровали въ свою богоизбранность. Обезьяна, которую нѣмцы изобрѣли, даже не потрудившись освѣдомиться у нея, желаетъ ли она быть изобрѣтенной, продолжала мстить за себя. Это она нашептала нѣмцамъ ихъ грандіозно-маніакальныя идеи, приведшія ихъ къ конфликту со всѣмъ міромъ.

Тупые славяне, тупые галлы, тупые англо-саксы, тупые японцы объединились и колютъ орѣхи на умныхъ нѣмецкихъ головахъ. Съ каждымъ расколотымъ на головахъ у нихъ орѣхомъ у нѣмцевъ проясняются мозги. Съ каждымъ расколотымъ у нихъ на головахъ орѣхомъ нѣмцы умнѣютъ и отъ благодѣтельнаго сотрясенія маніакальныя идеи со свистомъ и шумомъ вырываются наружу и испаряются, какъ демоны, изгоняемые колотушками изъ бѣсноватаго. Тупые славяне помогутъ нѣмцамъ свергнуть захлестнувшее ихъ окончательно иго обезьяны и для Германіи начнется новая жизнь.

„Счастливъ тотъ, кто сшилъ себѣ въ Гамбургѣ штанишки“,—писалъ Гоголь.

Мы еще будемъ шить себѣ штаны и въ Гамбургѣ и въ Берлинѣ. Но, нѣмцы! — по справедливой оцѣнкѣ, а не на основаніи унизительнаго торговаго договора, который вы навязали намъ въ моментъ нашей слабости и въ расцвѣтѣ вашей самовлюбленности и вашего самоопьяненія.

Влад. Азовъ.

Т Э Ф Ф И.

Г Е Р М А Н І Я

Рис. Ре—ми.

ГЕРМАНІЯ.

Обзоръ географическій.

Германія есть нѣчто вродѣ государства, граничащаго на сѣверѣ съ Балтійскимъ и Сѣвернымъ моремъ, а на западѣ, югѣ и востокѣ—Союзными арміями.

Устройство поверхности.

Поверхность Германіи устроена очень странно, а именно: она чѣмъ ниже, тѣмъ выше. На югѣ поверхность ея выше чѣмъ на сѣверѣ. И оттого, что она чѣмъ ниже, тѣмъ выше, она слѣдовательно, чѣмъ выше тѣмъ ниже. Это географическое недоразумѣніе, само собою разумѣется отражается, на всей жизни страны и на характерѣ ея обитателей, вызывая въ послѣднихъ сильную уравновѣшенность. Чѣмъ ниже тѣмъ выше, чѣмъ выше тѣмъ ниже. Таково устройство поверхности Германской Имперіи.

Почва Германіи раздѣляется на

1) неплодоносную
2) неплодородную и
3) малопригодную.

Неплодоносная часть Германіи покрыта торфяными болотами.

Неплодородная—мелкими камнями.

Малопригодная—пескомъ и глиной.

Климатъ.

Климатъ Германіи по свидѣтельству науки (географія Смирнова) обладаетъ слѣдующими еще непревзойденными качествами: около моря онъ морской, а чѣмъ глубже въ континентъ, тѣмъ онъ становится все континентальнѣе, и континентальнѣе пока не сдѣлается окончательно континентальнымъ, — а именно около юго-восточной границы государства.

Лѣтомъ (по свидѣтельству той-же науки) бываетъ въ Германіи значительно теплѣе, чѣмъ зимой, зимой же значительно холоднѣе, чѣмъ лѣтомъ.

Лѣтомъ перепадаютъ дожди, зимой бываютъ морозы.

На югъ нѣмцы ѣздить не могутъ, потому что юга у нихъ нѣтъ. Куда ни двинься — климатъ одинаковый, потому что, какъ мы уже упоминали, Германія — чѣмъ выше, тѣмъ ниже и чѣмъ ниже, тѣмъ выше.

Рѣки и каналы.

По Германіи протекаетъ много рѣкъ, но самымъ обиднымъ для Германіи образомъ — не цѣликомъ, а только кусочками.

Такимъ образомъ нѣмцы, любящіе воспѣвать свои

рѣки въ стихахъ и пѣсняхъ, вѣчно стѣснены въ своихъ поэтическихъ порывахъ. Ибо неудобно пѣть:

„О, какъ ты прекрасенъ, Рейнъ въ концѣ своего теченія".

Или:

„Люблю тебя Дунай до Австрійской границы".

Воспѣвать же рѣку цѣликомъ значило бы безвозмездно работать въ пользу сосѣдей, что совершенно съ укладомъ нѣмецкой души, даже самой поэтической, не согласуется.

Это качество нѣмецкихъ рѣкъ, повторяю, тяжелая страница нѣмецкой жизни.

Въ утѣшеніе себѣ нѣмцы соединили свои неудачныя рѣки каналами.

Народонаселеніе.

Слово „Германія" состоитъ изъ двухъ словъ.

Изъ слова „геръ", что значитъ „господинъ" и слова „манія„—что значитъ „манія".

Итого: слово Германія значитъ „господоманія". Иначе говоря—хочу быть бариномъ.

Названіе это указуетъ на истинное желаніе нѣмцевъ попасть въ господа, а также на то, что господами они никогда не были—иначе, получивъ желаемое, утратили бы стремленіе и названіе получили бы другое.

Коренные жители Германіи, такъ называемые нѣмцы, или германцы (испорченное германьяки) отличаются настойчивостью, терпѣніемъ и трудолюбіемъ.

Занимаются германьяки преимущественно торговлей и промышленностью.

Тяжелы были первые шаги ихъ на этой почвѣ. Старинная русская пѣсня говоритъ объ этомъ въ коротких, но тѣмъ не менѣе за душу хватающихъ словахъ:

„Нѣмецъ, перецъ, колбаса,
Купилъ лошадь безъ хвоста".

Здѣсь все, въ этой маленькой пѣсенкѣ: несложные запросы нѣмецкой натуры—перецъ и колбаса. Колбаса—сущность, перецъ—красота жизни и вдохновеніе; и затѣмъ дѣятельность—купилъ лошадь безъ хвоста.

Но вотъ въ послѣднихъ словахъ—загадка: почему онъ купилъ лошадь безъ хвоста? По глупости или по скупости.

Разрѣшить загадку—дѣло исторіи.

Но трудно отдѣлаться отъ тихой лирической печати навѣваемой этой пѣснью о нѣмцѣ.

По натурѣ своей нѣмцы спокойны и прозаичны. Одно есть у нихъ увлеченіе, тайное, глубокое, могущественное, но они скрываютъ его всѣми силами души и никогда въ немъ не признаются:

Они влюблены въ французовъ.

Если вы скажете нѣмкѣ, что она похожа на француженку—она покраснѣетъ и заикаетъ отъ радости.

Каждый нѣмецъ съ наслажденіемъ говоритъ „пардонгъ", „салонгъ" и прочія неудающіяся ему слова.

Любовь къ французамъ глубоко несчастная любовь. Безнадежная. Французы нѣмцевъ терпѣть не могутъ. Органически.

И рѣчь французская въ нѣмецкій ротъ не укладывается. Если нѣмецъ говоритъ по нѣмецки, онъ можетъ, если пожелаетъ, выдать себя за шведа, англичанина, русскаго. Но когда нѣмецъ заговоритъ по французски—онъ открытъ безповоротно.

Особенно усиленной германизаціи предаются народные учителя въ нѣмецкой Польшѣ.

Отсюда и пошелъ радостный возгласъ, обратившійся въ поговорку.

— Эге! Шпрехенъ зи дейчъ, Иванъ Андреичъ!

Кромѣ коренныхъ германьяковъ въ Германіи живутъ еще французы и поляки—и по свидѣтельству науки (географія Смирнова) „подвергаются систематической германизаціи".

„Германизація"—слово не русское и въ переводѣ означаетъ приблизительно „драть какъ Сидорову козу".

Особенно усиленной германизаціи предаются народные учителя въ нѣмецкой Польшѣ.

Германизированныя ими дѣти часто оставались калѣками на всю жизнь или умирали преждевременно.

Промышленность.

За послѣдніе годы Германія сдѣлала большіе успѣхи въ области промышленности.

Настроили множество фабрикъ, наоткрывали огромные магазины, а нѣмецкіе ученые написали толстыя книги объ этихъ фабрикахъ и магазинахъ.

Такъ о знаменитомъ берлинскомъ магазинѣ Вертгейма не только на-

...Нѣмецкіе ученые написали толстыя книги объ ихъ фабрикахъ и магазинахъ.

писано въ большомъ ученомъ изслѣдованіи о томъ, сколько онъ ежегодно продаетъ юбокъ изъ гнилого сукна, но также и подробно изслѣдованъ бытъ продавщицъ этого магазина съ точнымъ обозначеніемъ сколько именно каждая дѣвица

Дѣвицу переводятъ въ отдѣлъ блузокъ.

Дѣвицы, завертывающія товары, должны быть очень молоды и очень красивы.

должна ежемѣсячно приработать ночными прогулками по Фридрихштрассе.

Дѣло поставлено съ чисто научной сухостью. Все обдумано и взвѣшено. Дѣвицы, завертывающія товары, должны быть очень молоды и очень красивы,—такъ какъ трудъ ихъ особой опытности не требуетъ, польза приносимая магазину не велика и, поэтому, магазинъ

оплачиваетъ только одну четверть ихъ насущныхъ потребностей; три остальныя четверти онѣ зарабатываютъ на Фридрихштрассе.

Когда дѣвица дѣлается старше и опытнѣе, ее переводятъ въ чулочное отдѣленіе. Тутъ ей разрѣшается даже слегка подурнѣть, потому что польза, приносимая ею магазину, цѣнится значительно выше, чѣмъ у оберточной дѣвицы—и Вертгеймъ оплачиваетъ цѣлую треть ея

...Затѣмъ въ отдѣлъ шляпъ.

земного существованія. Ей остается раздобыть на Фридрихштрассе только двѣ трети.

Но вотъ пройдетъ еще нѣсколько лѣтъ, пріобрѣтается еще большій опытъ, и дѣвицу переводятъ въ отдѣлъ блузокъ.

Затѣмъ въ отдѣлъ шляпъ.

Затѣмъ въ отдѣлъ готоваго платья, гдѣ она уже

...Затѣмъ въ отдѣлъ готоваго платья.

имѣетъ полное право совсѣмъ подурнѣть и состариться, потому что приработать ей приходится сущіе пустяки, на какой-нибудь воскресный шмандкухенъ или пару перчатокъ.

Все высчитано, взвѣшено, исчислено и записано.

Само собою разумѣется, дѣло, столь правильно, толково и серьезно поставленное, должно давать прекрасные результаты.

А такъ какъ подобная толковость и серьезность является принципомъ всѣхъ нѣмецкихъ дѣлъ и предпріятій, то само собою разумѣется, что Германія богатѣетъ, развивается и преуспѣваетъ.

Свиньи.

Германія въ большомъ количествѣ производитъ свиней. Почти все населеніе Германіи предается производству свиней.

Свинья.

За послѣдніе годы свинство Германіи достигло размѣровъ, не поддающихся никакой статистикѣ.

Какъ нѣкогда Генрихъ Четвертый мечталъ о курицѣ въ мискѣ каждаго крестьянина, такъ Вильгельмъ Второй мечтаетъ о томъ, какъ бы хорошо было каждому подложить свинью. И подкладываетъ. Разводитъ и подкладываетъ.

Лѣса.

Лѣсовъ въ Германіи не очень много, но содержатъ ихъ нѣмцы очень тщательно, ибо при помощи свѣжесрѣзанныхъ вѣтвей воспитываютъ свое молодое поколѣніе.

поддерживаетъ въ воинахъ бодрость духа и мужество.

Для людей болѣе зрѣлаго возраста, уже не требующихъ къ себѣ особо нѣжныхъ, такъ сказать материнскихъ отношеній—какъ напримѣръ въ казармахъ и военныхъ судахъ—розги безъ лишней сантиментальности замѣнены кошками-девятихвостками. Это охраняетъ лѣса отъ излишней порубки и поддерживаетъ въ воинахъ бодрость духа и мужество. И эта разумная экономія идетъ тоже на

пользу странѣ, порождая тихую зависть въ болѣе расточительныхъ и не столь благоустроенныхъ государствахъ.

Вода.

Съ водой нѣмцы тоже обращаются бережливо. Рѣки и озера чистятъ и моютъ съ мыломъ.

Земля.

Земли въ Германіи не много и нѣмцы холятъ и берегутъ ее. Стараются не пачкать.

Въ большихъ городахъ, каждое утро, спеціальные чиновники, состоящіе на городской службѣ, вылизываютъ дочиста языкомъ всѣ залитыя асфальтомъ улицы. Простыя мостовыя метутъ метельщики.

Университеты.

Въ Германіи очень много университетовъ.

Профессора.

Въ университетахъ нѣмецкихъ въ былыя времена читались лекціи профессорами. Въ настоящее время профессора замѣнены почетными профессорами. Почетные профессора получили званіе сіе за различные подвиги. Одинъ за то, что обладая орудійнымъ заводомъ, хорошо отливалъ пушки—получилъ кафедру богословія. Другой за то, что будучи вахмистромъ, показалъ неустрашимость, поддѣвъ на штыкъ двухмѣсячнаго

серба—получилъ кафедру высшей математики.—Третій за то, что будучи рядовымъ, первый поджегъ Лувенскую библіотеку—получилъ кафедру литературы.

...Чиновники, состоящіе на городской службѣ, вылизываютъ дочиста языкомъ асфальтовыя мостовыя.

„Почетный профессоръ“ германскаго университета.

Профессора эти лекцій не читаютъ за недосугомъ, такъ что наука германская находится во временномъ застоѣ.

Содержаніе нѣмецкіе профессора получаютъ очень скудное, потому что нѣмецкое министерство народнаго просвѣщенія высчитало съ точностью до одной сотой, сколько каждый профессоръ можетъ приработать выгодной женитьбой. Профессоръ, какъ человѣкъ ученый, высоко котируется на марьяжной биржѣ и съ легкостью находитъ денежную дѣвицу.

Деньги у денежной дѣвицы профессоръ отбираетъ послѣ свадьбы въ свою собственность и распоряжается ими на радость и пользу себѣ, разумно и мудро, какъ и подобаетъ его званію. По воскресеньямъ профессоръ, какъ и всякій приличный нѣмецъ, ходитъ съ женой въ ресторанъ, гдѣ, выпивъ одиннадцать кружекъ пива, не допивши двѣнадцатой, оставляетъ глотокъ для жены и, съѣвъ свиную котлету, позволяетъ женѣ долизать остатки соуса съ горошкомъ.

Если у профессора есть дѣти, ихъ берутъ также съ собой, чтобы они во время отсутствія родителей не попортили чего-нибудь въ квартирѣ.

Профессоръ, какъ человѣкъ ученый, высоко котируется на марьяжной биржѣ.

Но кормятъ дѣтей въ ресторанѣ только тѣми же домашними подзатыльниками.

Студенты.

Студенты нѣмецкіе отличаются отъ всего остального человѣчества рубленой мордой. Чѣмъ больше на мордѣ рубцовъ, тѣмъ студентъ интереснѣе.

Это все слѣды дуэлей. Нѣмецкій студентъ кровью, выпущенной изъ своей морды, смываетъ нанесенныя ему оскорбленія.

— Отчего у васъ шестнадцать рубцовъ?—спрашиваютъ студента.

По воскресеньямъ профессоръ, какъ и всякій приличный нѣмецъ, ходитъ съ женою въ ресторанъ.

Нѣмецкій студентъ.

— Оттого что я шестнадцать разъ дрался на дуэли.

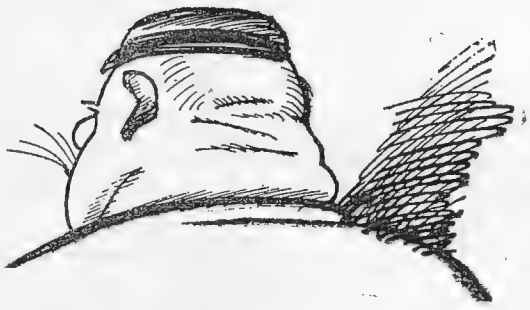
— Отчего же такъ много?

— Оттого что меня шестнадцать разъ оскорбляли и приходилось смывать оскорбленія.

Ихъ ужасно часто оскорбляютъ, —этихъ нѣмецкихъ студентовъ.

Русскій студентъ можетъ дожить до глубокой старости (а это сплошь да рядомъ съ русскими студентами случается) и никому въ голову не придетъ, что его надо оскорблять.

Никѣмъ не оскорбленный нѣмецкій студентъ считается человѣкомъ непорядочнымъ, въ хорошемъ обществѣ нетерпимымъ, и, вообще, существомъ опозореннымъ. И несчастный, не сумѣвшій заслужить необходимаго для него оскорбленія,



Сало просвѣчиваетъ на солнцѣ.

запирается у себя въ комнатѣ и съ разбѣгу разбиваетъ лицомъ оконную раму.

И потомъ со свѣжими ранами идетъ въ пивную, гдѣ долго и тускло вретъ передъ замирающими отъ зависти товарищами, какъ его неистово оскорбляли, называли уличеннымъ воромъ, подлецомъ, попрошайкой, шулеромъ, какъ не подавали ему руки и били колбасой по физіономіи. И вотъ цѣлымъ рядомъ кровавыхъ дуэлей онъ отстоялъ свою честь. Но онъ твердо надѣется, что еще кто-нибудь не приминетъ оскорбить его и снова раскровянитъ его физіономію.

Нѣмецкій студентъ, кромѣ вышеописанной физіономіи, отличается еще необычайно нѣжнаго цвѣта розовымъ саломъ на затылкѣ. Сало это лежитъ на воротникѣ твердымъ упругимъ кускомъ, покрытымъ рѣденькой короткой щетиной золотистаго или бураго цвѣта. Сало просвѣчиваетъ на солнцѣ, дрожитъ при смѣхѣ и пѣніи владѣльца и радуетъ своимъ видомъ его друзей, родственниковъ и почетныхъ профессоровъ. Въ пищу оно не употребляется.

Туристы.

Кромѣ обычныхъ мирныхъ жителей, профессоровъ, свиней и студентовъ разводятся въ Германіи въ большомъ количествѣ такъ называемые туристы.

Туристы эти вопреки своему названію никакихъ туровъ и путешествій не предпринимаютъ. Называются же

Туристъ.

они туристами потому, что носятъ костюмъ, приспособленный къ самымъ непроходимымъ мѣстамъ земного шара.

Нѣмецкій туристъ можетъ всю жизнь просидѣть у себя на балконѣ, одѣтый: въ кожаную непромокаемую куртку, въ подкованные на шипы сапоги, и въ тирольской шляпѣ, украшенной кисточкой и щетиной дикаго кабана.

Все это громоздко, тѣсно, тяжело, неудобно. Но онъ туристъ, и это имя его обязываетъ.

Истинный туристъ пойдетъ гулять по улочкѣ своего маленькаго городка не иначе, какъ вооружившись топорикомъ для вырубанья ступенекъ въ глетчерахъ, лѣстницей для влѣзанья на горные отвѣсы, веревкой для паденія въ пропасть и лопатой для копанія собственной могилы на случай гибели.

Одѣтый такимъ образомъ, нѣмецъ двигается съ трудомъ. Глаза у него вылѣзаютъ отъ натуги. Привѣшанный на спину мѣшокъ съ запасными сапогами, бѣльемъ и теплой фуфайкой, оттягиваетъ ему плечи назадъ и не будь его животъ вдоволь налитъ пивомъ, онъ бы немедленно перекувырнулся на спину.

Кисточка изъ кабаньей щетины имѣетъ значеніе троякое: украшаетъ, устрашаетъ и служитъ для намыливанья щекъ при бритьѣ.

Долго гулять туристъ не можетъ. Онъ обезсиливаетъ на первомъ поворотѣ въ пивную, вваливается въ нее и остается до тѣхъ поръ, пока не наберетъ достаточно силъ, чтобы опираясь на альпенштокъ, вернутьсяся домой. При очень тяжеломъ снаряженіи ему приходится набирать силъ съ утра до вечера.

Таково тяжелое положеніе нѣмецкаго туриста.

Кисточка изъ кабаньей щетины—грустная улыбка его печальной жизни.

Глаза у него вылѣзаютъ отъ натуги. Привѣшанный на спину мѣшокъ съ запасными сапогами, бѣльемъ и теплой фуфайкой, оттягиваетъ ему плечи назадъ, и не будь его животъ вдоволь налитъ пивомъ, онъ бы немедленно перекувырнулся на спину.

Кайзеръ.

Управляется Германія такъ называемымъ кайзеромъ, который, кромѣ того, еще и кёнигъ.

Такъ какъ оба слова начинаются на букву „К“, то вѣрноподданные пишутъ вмѣсто Кайзеръ-Кенигъ—сокращенно „К. К.“.

Украшаетъ.

Устрашаетъ... (Стр. 37).

Незнакомые съ этимъ порядкомъ пріѣзжіе чужеземцы первое время очень удивляются, видя на вывѣскахъ лучшихъ магазиновъ эти таинственные два „К“.

„К. К. табачная лавка“.

„К. К. — почтовое отдѣленіе“.

„К. К.—булочное заведеніе“.

Но отнюдь не надо понимать такъ, какъ будто и табачная лавка и булочное заведеніе принадлежатъ Кайзеръ-Кенигу. Ничего подобнаго. Это означаетъ

...и служитъ для намыливанія. (Стр. 37).

только вѣрноподданническія чувства владѣльцевъ означенныхъ учрежденій.

Кромѣ торговыхъ заведеній, марку „К. К.“ приспособили для себя также и люди различныхъ профессій.

Напримѣръ, вотъ, скромный „К. К.“—тромбонистъ.

Или:

„Вдова бывшаго отставного К. К.—черезъ огонь позолотчика“.

Изъ этого второго примѣра явствуетъ, что „К. К.“ не теряетъ свою силу и не сокрушается ни отставкой, ни смертью.

Таково отношеніе народа къ Кайзеру.

И Кайзеръ не остался въ долгу.

Онъ далъ своему народу съ широтой чисто царственнаго размаха—три К.

Киндеръ!

Кирхе!

Кюхе!

Что значитъ:

Дѣти.

Церковь и

Кухня.

Это онъ преподнесъ нѣмецкимъ дамамъ.

И былъ истиннымъ джентльмэномъ, такъ какъ перекозырялъ свой народъ на цѣлое „К“.

Странно, какую одна буква можетъ сыграть роль въ исторіи страны!

На пяти К. держится вся Германія.

„К. К. К. К. К.“.

Три К снизу подпираютъ.

Два К сверху.

Два К сидятъ на трехъ К.

Крѣпко, твердо, устойчиво.

Отнять внизу хотя одно К... и дѣло пойдетъ куда хуже.

Если дѣтей будутъ воспитывать дамы, занятыя не исключительно церковью и кухней—два К. наверху не будутъ, пожалуй, такъ прочно сидѣть.

Но пока что ихъ удобство гарантировано.

Пока...

Тэффи.

А В С Т Р І Я.

Текстъ *Арк. Бухова.*

Иллюстр. *А. Юнгера и А. Розанова.*

АВСТРІЯ.

Австріей называется страна, расположенная, благодаря неосмотрительности великихъ державъ, въ Европѣ. Съ юга она омывается Адріатическимъ моремъ, съ востока—Россіей, омывшей уже наиболѣе укрѣпленные пункты.

Австрія изобилуетъ рѣками, служащими переправой для отступающихъ войскъ и для перевозки контрабандnаго оружія въ сосѣднія страны.

Благодаря счастливому стеченію обстоятельствъ Австрія находится между сѣверной широтой и долготой; до послѣдняго времени выпадало много атмосферическихъ осадковъ, но въ связи съ нуждами военнаго времени, производство ихъ сокращено.

Климатъ въ Австріи теплый и благопріятный—это общее мнѣніе не только отдѣльныхъ путешественниковъ, но и цѣлыхъ армій, испытавшихъ долговременное пребываніе на австрійской территоріи.

Рѣки не обладаютъ стремительнымъ теченіемъ, но горы весьма быстроходны: опытный генералъ переходитъ напримѣръ Карпаты въ нѣсколько переходовъ, не теряя артиллерійскихъ парковъ и обозовъ.

Обмеленія рѣкъ не замѣтно; усыхаютъ только границы; надъ этимъ вопросомъ работаютъ преимущественно историки.

Государственное устройство.

Австрія представляетъ собою филіальное отдѣленіе германской имперіи, для розничной продажи. Въ мирное время отдѣленіемъ завѣдуетъ габсбургская династія въ военное время всѣми дѣлами завѣдуетъ династія гогенцоллерновъ; въ это время габсбурги работаютъ исключительно на процентахъ, валовой-же доходъ получаютъ державы Тройственнаго Согласія.

...съ востока Россіей, омывшей уже наиболѣе укрѣпленные пункты.

Къ трону приписанъ императоръ Францъ-Іосифъ, котораго за его оригинальный образъ правленія многіе называютъ „престарѣлымъ“. Ему принадлежитъ вся высшая иниціатива, помимо объявленія войны, изданія законовъ и управленія страной.

Надъ всѣмъ родомъ Габсбурговъ,какъ увѣряютъ вечернія изданія провинціальныхъ газетъ, виситъ тяжелый рокъ; неизвѣстно, кѣмъ онъ повѣшенъ, но большія европейскія газеты завели даже особый отдѣлъ послѣ хроники городскихъ происшествій: „Несчастья съ габсбургами“, расцѣниваемый по повышенному гонорару.

Депутатамъ рейхстага, какъ вольноопредѣляющимся, представляется выборъ рода оружія.

Австрійская тайная полиція дѣятельно охраняетъ членовъ династіи; въ послѣднее время ея организація настолько окрѣпла, что даже смогла самостоятельно устроить убійство эрцгерцога на боснійской территоріи.

Габсбургамъ помогаетъ рейхсратъ; хотя это учрежденіе не династическое, но тоже подверженное несчастнымъ случаямъ, особенно во время преній нѣмцевъ и чеховъ. Депутатамъ рейхсрата, какъ вольноопредѣляющимся, представляется выборъ рода оружія.

Чехи предпочитаютъ чернильницы, нѣмцы—движимое имущество семейныхъ квартиръ—стулья, зонтики, цвѣточные горшки и т. д., которое они сносятъ за два часа до засѣданій.

Во время проведенія важныхъ законовъ, габсбурги, желая прислушаться къ голосу страны, рейхсратъ распускаютъ и передаютъ все на усмотрѣніе государствен-

наго консула, который подаетъ въ отставку. Разрѣшеніе вопроса приходитъ изъ Берлина, съ помѣткой „Made in Germany“ (сдѣлано въ Германіи); это составляло почти весь импортъ Австріи за послѣднее время.

Населеніе Австріи.

Историки передаютъ, что во время вавилонскаго смѣшенія языковъ, Австрія не сумѣла воспользоваться своей долей (можно-ли не вѣрить послѣ этого злому року габсбургскаго дома!) и съ тѣхъ поръ ходитъ безъ языка, пользуясь для необходимыхъ случаевъ нѣмецкимъ. Можно прожить въ Австріи шесть лѣтъ и не услышать австрійскаго языка, хотя русскіе еженедѣльные журналы и помѣщаютъ иногда переводы съ австрійскаго.

Населеніе живетъ обрабатывающей промышленностью; нѣмцы обрабатываютъ венгровъ, венгры—славянъ, славяне никого не обрабатываютъ, поэтому ихъ промышленность называется добывающей. А что они добываютъ—это пока неизвѣстно.

Главный городъ Австріи — Вѣна, жители которой преимущественно занимаются вѣнскимъ шикомъ: засѣиваютъ парки картофелемъ, окапываютъ окрестности и переѣзжаютъ въ другой городъ во избѣжаніе военныхъ непріятностей.

Въ свободное отъ побѣговъ время, вѣнцы дѣлаютъ кофе—по-вѣнски, шнитцеля, вѣнскіе стулья и пьютъ вѣнское питье. Они отличаются особымъ патріотизмомъ и даже лучшее слабительное называютъ горькой водой Францъ Іосифа.

Вѣна считается однимъ изъ красивѣйшихъ городовъ Европы; впечатлѣніе портятъ только австрійцы, которыхъ здѣсь можно встрѣтить на каждомъ шагу. Вѣнцы

очень любятъ украшать свой городъ памятниками, стараясь не пропускать ни одного историческаго случая: смерти негуса Менелика, взятія Киркъ-Килиссе, открытія паровой прачешной въ Прагѣ, раскрытія игорнаго притона въ Архангельскѣ и т. п.

Лучшія женщины Вѣны организуютъ вѣнскіе оркестры и играютъ въ ресторанахъ второго разряда отъ шести вечера до двухъ ночи. По праздникамъ—раньше.

Многіе изъ европейскихъ жуировъ всегда слѣдуютъ вѣнской модѣ; даже султанъ Магометъ V сдѣлался ея ярымъ послѣдователемъ и предполагаетъ убѣжать въ другой городъ.

Армія.

Вся австрійская армія въ военное время раздѣляется на плѣнныхъ и отступающихъ. Первыми завѣдуетъ русское военное министерство, вторыми никто не завѣдуетъ.

Въ мирное время армія дѣлится на 1) армію и флотъ, 2) австрійскій ландверъ и 3) венгерскій гонведъ. Флотъ состоитъ изъ германскихъ броненосцевъ и двухъ портовъ, занятыхъ Италіей. Армія обыкновенно занимается обстрѣливаніемъ Бѣлграда. Ландверъ раздѣленъ на національности, изъ которыхъ каждая уже самостоятельно участвуетъ въ мятежѣ, въ отличіе отъ гонведа, который во время войны защищаетъ Венгрію отъ Австріи.

Артиллерія, какъ сообщали газеты, бронзовая, съ лѣпными украшеніями — для того, чтобы артиллеристамъ не стыдно было съ чѣмъ и въ люди показаться. Былъ проэктъ дѣлать пушки изъ болѣе дорогого матерьяла, но боялись сосѣдства династіи гогенцоллерновъ.

Главный штабъ австрійской арміи набирается изъ лицъ административно-оштрафованныхъ за распространеніе ложныхъ слуховъ. Первый штрафъ носитъ денежный характеръ, второй безъ замѣны деньгами и уже послѣ третьяго заподозрѣнные подвергаются насильственному составленію свѣдѣній о побѣдахъ австрійской арміи.

Австрійскія войска уже не разъ искусными пріемами заманивали враждебныя арміи въ Вѣну, гдѣ тѣмъ волей-неволей приходилось получать контрибуцію и уходить на родину. Австрійскіе солдаты находчивы, веселы и остроумны; они умѣютъ мѣтко охарактеризовать положеніе и имъ приписывается чисто Суворовское изреченіе по поводу потери Львова:

— Пуля—дура, Ауфенбергъ—тоже дуракъ.

А генералъ Данкль въ одной изъ своихъ безконечныхъ шутокъ во время отступленія удачно перефразировалъ изреченіе Цезаря:

— Пришелъ, увидѣлъ—и подалъ въ отставку.

Суровая дисциплина выработала въ австрійскомъ солдатѣ духъ настоящаго спартанца. Не желая пользоваться на войнѣ преимуществами, онъ охотно отдаетъ непріятелю артиллерійскіе парки, денежные ящики и пулеметы.

— Мы не изнѣжены—говорятъ австрійскіе офицеры, очутившись въ русскомъ лагерѣ,—съ насъ хватитъ и простого конвоя.

Въ противоположность германскимъ войскамъ, позволяющимъ себѣ излишества въ военное время, вплоть до стрѣльбы по сестрамъ милосердія, австрійцы довольствуются самыми скромными боевыми развлеченіями—отравленіемъ колодцевъ, стрѣльбой разрывными пулями, и даже къ поджогамъ деревень присту-

Консервированные холерные вибріоны...

паютъ только по усиленному настоянію туземнаго населенія.

Питаются австрійцы въ мирное время консервами; судя по газетамъ, въ одномъ изъ захваченныхъ у австрійцевъ окоповъ были найдены даже консервированные холерные вибріоны. Въ военное время австрійская армія ничѣмъ не питается, что лишній разъ подчеркиваетъ ея боевыя качества.

Австрійская дипломатія.

Дипломатами называются люди, устраивающіе войны. Австрійскую дипломатію отличаетъ отъ другихъ особая тонкая хитрость и упорство, ставящія враждующую страну въ безвыходное положеніе. Какъ показалъ опытъ настоящей войны Австріи съ Россіей и Франціей, на обязанности австрійскихъ дипломатовъ лежитъ тяжелая задача продержаться возможно дольше во враждебной странѣ.

— Вамъ тутъ паспортъ принесли,—докладываютъ австрійскому послу на другой день послѣ объявленія войны.

Австрійскій дипломатъ съ изумленіемъ разсматриваетъ паспортъ, внимательно прочитываетъ его и обижается.

— Что-же они не могли подождать... За прописку тамъ надо, или больничный сборъ — такъ они уже лѣзутъ къ занятому человѣку...

— Да нѣтъ, говорятъ, что уѣзжать надо вамъ...

— Мнѣ? Послу дружественной державы? Мнѣ?

— Да вѣдь, Австрія объявила войну...

— А что-же мнѣ раньше-то не сказали?—обиженно огрызается австрійскій дипломатъ.

Послѣ этого онъ идетъ въ министерство иностранныхъ дѣлъ и грозится, что если съ нимъ будутъ такъ невѣжливо поступать, то недалеко и до открытія военныхъ дѣйствій...

— Да они уже открыты...

— А, это другое дѣло. Вотъ поживу еще съ недѣльку и уѣду...

Посолъ переѣзжаетъ на частную квартиру, оттуда въ меблированныя комнаты, живетъ тамъ не прописы-

ваясь, потомъ скитается нѣсколько дней по ночлежкамъ и, наконецъ, не выдержавъ, вручаетъ ноту съ объявленіемъ войны. Послѣ этого онъ уже спокойно возвращается въ зданіе посольства, откуда его отправляютъ по мѣсту жительства на родину.

Въ балканскихъ государствахъ австрійскіе дипломаты занимаются назрѣваніемъ конфликтовъ и принимаютъ участіе во внутренней жизни страны. Такъ, если черногорскимъ офицерамъ запрещается носить лакированные сапоги, австрійскій дипломатъ обязанъ предупредить сербское правительство объ уступкѣ даннымъ правительствомъ Австріи опредѣленной пограничной полосы. Въ случаѣ отказа посолъ въ видѣ протеста выдаетъ субсидію македонскимъ четамъ для нападенія на Болгарію. Такъ путемъ долгой и терпѣливой работы создается такъ называемый балканскій вопросъ.

Искусство и литература.

Нѣкоторыя изъ лицъ, признанныя негодными для службы въ ландверѣ, занимаются литературой.

Большинство журналовъ издается въ Вѣнѣ, съ приложеніемъ выкроекъ, иллюстрированныхъ прейскурантовъ суконныхъ фирмъ, и выписывается портнихами всего міра, не пользующимися для этого спеціальными парижскими изданіями. Увлеченіе вѣнскими журналами настолько велико, что ихъ всегда считаютъ исключительно модными.

Изъ австрійскихъ писателей выдѣляется Петеръ Альтенбергъ, который, какъ говорятъ его біографы, всегда находится во всѣхъ вѣнскихъ кафэ. Публика настолько привыкла къ этому, что иностранцы, придя въ кафэ, непремѣнно требуютъ:

— Стаканъ со сливками и Альтенбергомъ. Да поскорѣе, голубчикъ...

— Стаканъ, со сливками и Альтенбергомъ. Да поскорѣе, голубчикъ...

Петеръ Альтенбергъ и самъ увѣряетъ, что онъ не можетъ представить себя безъ кафэ; онъ и спитъ на одномъ изъ столиковъ и покрывается прейскурантомъ прохладительныхъ напитковъ.

Желая поставить редакторовъ періодическихъ изданій въ безвыходное положеніе, Петеръ Альтенбергъ пи-

шетъ такіе короткіе разсказы, что при пристрастномъ сокращеніи ихъ на четыре строчки отъ разсказа остается только многоточіе и подзаголовокъ. Въ цѣляхъ ближайшаго ознакомленія читателей приводимъ нѣсколько разсказовъ Альтенберга, съ сохраненіемъ всѣхъ особенностей письма.

Человѣкъ, который плакалъ.

Я увидѣлъ его.
— Да,—сказалъ онъ,—ударить-бы ее хорошенько.
Позже двумя часами мнѣ отказали отъ комнаты.
Такъ борется стихія. Такъ строится міръ.
Я пошелъ въ кафэ.

Землетрясеніе.

Насъ было много. И у одного была бородавка.
— Отдай ее мнѣ,—сказала худая женщина.
Онъ цинично засмѣялся и сказалъ.
— Если погибнутъ тысячи—будетъ еще легче.
У этого человѣка была бородавка. Я пошелъ въ кафэ.

* * *

Нелюбимые.

Онъ подошелъ ко мнѣ и грубо схватилъ за пуговицу.
Я пошелъ въ кафэ. Пуговица—это большое слово.

* * *

Сравнительно недавно Петеръ Альтенбергъ написалъ большую драму, послѣ постановки которой многіе считаютъ его хорошимъ юмористомъ. Другимъ наиболѣе виднымъ австрійскимъ писателемъ считается юмористъ Рода-Рода, какъ и всякій талантливый человѣкъ, плохо понятый австрійской широкой публикой. Вначалѣ его произведенія были рекомендованы въ библіотекѣ низшихъ школъ для отдѣла религіозно-философскаго чтенія, а сравнительно недавно, какъ объ этомъ писали газеты, онъ былъ назначенъ военнымъ обозрѣвателемъ оффиціальнаго изданія. Судя по оффиціальнымъ австрійскимъ извѣстіямъ къ этому дѣлу привлечены и другіе юмористы, такъ что Рода-Рода пока является простымъ рядовымъ юмористомъ австрійскаго генеральнаго штаба. Въ мирное время Рода-Рода писалъ довольно удачно разсказы о кошкѣ, упавшей съ четвертаго этажа на разсѣяннаго человѣка, остановившагося подъ окномъ, о шляпѣ, попавшей въ супъ сельскаго учителя и даже о престарѣломъ чиновникѣ, котораго кто-то принялъ за канарейку. Разсказы очень нравились австрійскому обществу и даже былъ проэктъ ходатайствовать о выдачѣ Рода-Рода нобелевской преміи по отдѣлу химіи или богословскихъ наукъ.

О другихъ представителяхъ австрійской литературы почти не слышно; вообще-же австрійское правительство очень благосклонно относится къ начинающимъ авторамъ и сравнительно недавно заплатило одной румынской газетѣ за рядъ убѣдительныхъ статей нѣсколько тысячъ кронъ, проведенныхъ по книгамъ военнаго министерства.

Исторія Австріи.

Какъ и у всякаго государства, у Австріи есть своя исторія; многіе замалчиваютъ ее, находя неудобнымъ злословить.

Первоначально въ Австріи была только флора, фауна и Габсбургская династія. Флора была подержанная уступленная Германіей, что-же касается фауны, то краеугольный камень ея положилъ Ной, уступивъ габсбургской династіи семь паръ нечистыхъ, эвакуированныхъ изъ его ковчега, уступленнаго значительно позже Турціи въ качествѣ легкаго крейсера германской службы.

лучивъ въ свои руки флору и фауну, габсбургская династія стала заботиться объ увеличеніи государства за счетъ сосѣднихъ народовъ, скупая бракованныя территоріи, использованные народы и требуя ихъ въ видѣ жалованья за домашнія услуги. Обычно большое европейское государство, отчаявшись использовать какой-нибудь упрямый городъ или мѣстечко изъ контрабандистовъ, издавало приказъ:

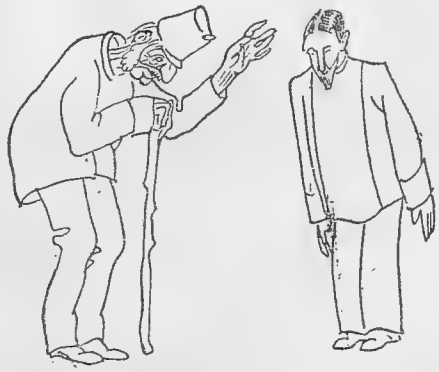
— Отнеси на кухню—Австрія съѣстъ.

Персидскій принцъ, обидѣвшійся на улицу, гдѣ ему не отдали знаковъ почтенія, мароканскій султанъ, желавшій выселить неудобный для застройки оазисъ, лопари, покинувшіе деревушку на берегу Сѣвернаго моря—всѣ были облегчаемы Австріей отъ ненужныхъ территорій. Австрія дѣйствовала легко и нѣжно; мало-по-малу создавалась цѣлая монархія изъ королевствъ со своими правительствами. Изъ-за этого происходила масса недоразумѣній; если одному изъ габсбурговъ хотѣлось вызвать королей подчиненныхъ земель, для нихъ приходилось выстраивать особыя казармы. Потомъ габс-

бурги объявили себя самодержавными; многихъ это огорчило, но многіе искренно смѣялись.

Съ этого момента началось объединеніе Австріи: нѣмцы говорили, что надо повѣсить славянъ, славяне охотно соглашались на такую-же мѣру по отношенію къ мадьярамъ, которые привѣтствовали этотъ взглядъ, полагая, что должны быть повѣшены и чехи. Такъ дружбой и вѣрностью объединенныхъ народовъ создался крѣпкій вѣнскій престолъ.

Францъ Іосифъ, который родился уже престарѣлымъ, не любилъ вмѣшиваться въ австрійскія дѣла и внут-



— А притти они не могутъ, что ли?..

реннюю политику предоставилъ случаю и державамъ тройственнаго согласія.

— Эти разберутъ.

— Да вѣдь они далеко—возражали приближенные.

— А притти они не могутъ что-ли? — обижался Францъ-Іосифъ.

Эта надежда никогда не оставляетъ престарѣлаго монарха.

Арк. Буховъ.

ВЕНГРІЯ.

ВЕНГРІЯ.

I.

Вступленіе.

Если австрійцевъ называютъ „нѣмцами второго сорта“, то венгры вполнѣ справедливо могутъ быть названы „австрійцами второго сорта“.

Если смотрѣть на Венгрію съ птичьяго полета, приблизительно съ двухъ-трехверстной высоты, не болѣе,— то видъ у нея получается весьма странный.

Домовъ не видно, и невольно возникаетъ вопросъ:

— Неужели эти несчастные живутъ подъ открытымъ небомъ?

Тѣмъ не менѣе, это мнѣніе ошибочное. Венгры живутъ въ домахъ, гдѣ и занимаются скотоводствомъ, вслѣдствіе чего Венгрія славится своими знаменитыми венгерскими графами и вообще родовитой венгерской аристократіей.

По наружности венгръ почти ничѣмъ не отличается отъ человѣка.

Глаза только немножко чернѣе.

Но это объясняется тѣмъ, что глаза—зеркало души. Душа-же у венгра имѣетъ немножко черно-грязноватый оттѣнокъ.

По наружности венгръ почти ничѣмъ не отличается отъ человѣка.

Происхожденіе венгровъ покрыто мракомъ неизвѣстности.

Венгры давно, очень давно ужъ существуютъ, но у нихъ не было грамотного, который могъ-бы записывать историческія событія.

И венгры до среднихъ вѣковъ такъ и ходили по земному шару безъ исторіи.

Въ началѣ среднихъ вѣковъ ихъ замѣтили другіе народы. Замѣтили, и удивились:

— Ходитъ по землѣ какой-то великовозрастный народъ, читать, писать не умѣетъ, а откуда пришелъ, не знаетъ.

Стали его разспрашивать, а у него на всѣ вопросы одинъ отвѣтъ:

— Я тебя, какъ трррахну!..

Стали остальные народы издали присматривать за венграми и записывать важнѣйшія событія въ ихъ жизни.

Теперь венгры утверждаютъ, что они происходятъ отъ монголовъ, но монголы и руками, и ногами отмахиваются отъ нихъ, говоря:

— Нѣтъ, нѣтъ... Мы, монголы, народъ честный. Какіе-же венгры наши потомки. Мы люди простые, но честные. Ни одной черты, какъ видите, у насъ съ венграми родственной нѣтъ.

— Я тебя, какъ трррахну!..

Въ общемъ, венгры народъ симпатичный, и попадаются даже дѣвушки, которыя соглашаются за нихъ выходить замужъ.

Жены венгровъ называются венгерками, и нѣкоторые такъ ихъ любятъ, что даже на плечахъ носятъ...

II.

Географическій обзоръ Венгріи.

Венгрія со всѣхъ четырехъ сторонъ морями не омывается.

Попадаются даже дѣвушки, которыя соглашаются за нихъ выходить замужъ..

Многіе изъ воинственныхъ вождей (къ сожалѣнію, именаихъ не дошли до насъ) венгровъ—пробовали найти выходъ къ морю.

Но выходить-то они выходили къ морю, а только назадъ уже не возвращались, по причинамъ не отъ нихъ зависящимъ.

Кой-кому изъ венгерскихъ королей (имена ихъ также остались неизвѣстными исторіи) удалось даже стать твердой ногой у моря.

Но имъ каждый разъ приходилось убирать съ моря свою твердую ногу.

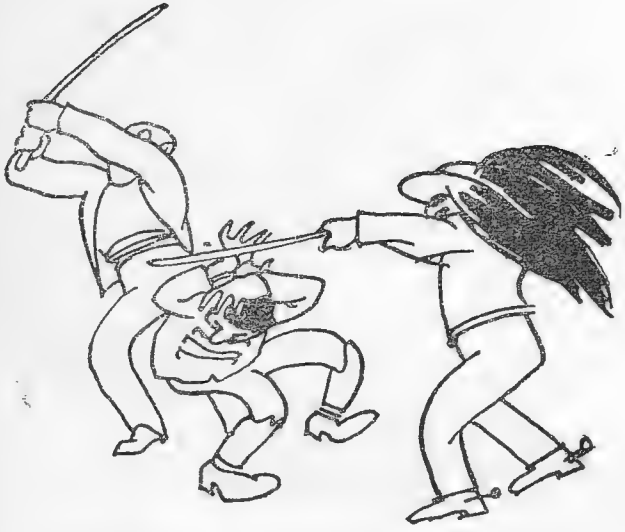
Видя тщетность своихъ усилій въ достиженіи моря, венгры рѣшили плюнуть на море.

— На кой чортъ намъ море!—сказали венгры:—Пахать на немъ невозможно. Для свиневодства тоже оно не годится. Наши свиньи (свиньями, какъ извѣстно славятся венгры) и безъ моря обойдутся.

Мысль о рыбѣ не безпокоила венгровъ, ибо въ тѣ времена венгры еще не знали, что рыба годится въ пищу.

О кораблестроеніи и судоходствѣ, само собой разумѣется, венгры понятія не имѣли.

Отказавшись отъ выхода къ морю, венгры окружили себя Карпатами, но такъ какъ въ горахъ венгры такъ-же мало понимаютъ, какъ и въ моряхъ, то изъ всѣхъ Карпатъ они выбрали себѣ наихудшія.



...только назадъ уже не возвращались, по причинамъ не отъ нихъ зависящимъ.

Карпаты у венгровъ состоятъ изъ однихъ подошвъ безъ вершинъ.

По склонамъ этихъ подошвъ понастроены венгерскія хижины и пасутся венгерскія животныя, не исключая и четвероногихъ.

Самая большая рѣка въ Венгріи—Дунай. Вслѣдствіе названія этой рѣки и сложилась извѣстная пословица:

— „Не люблю дунайцевъ, даже дары приносящихъ".

Главный городъ Венгріи—Буда-Пештъ, что по венгерски означаетъ: „Тащи (Буда) деньги (Пештъ)".

Въ городѣ нѣсколько сотъ тысячъ жителей. Жительницъ почти нѣтъ, такъ какъ всѣ венгерки служатъ во

Въ шантанахъ онѣ бываютъ заняты до глубокой старости.

всѣхъ европейскихъ шантанахъ, гдѣ бываютъ заняты до глубокой старости.

Жители Буда-Пешта, какъ и во всей Венгріи, родовитые графы и благородные свиноводы.

Какъ мы уже имѣли случай сказать, свиноводство и графоводство очень развиты въ Венгріи.

III.

Бытъ и характеръ венгровъ.

Въ домашней жизни венгры очень воинственны.

Венгръ—прекрасный наѣздникъ, и почти никогда онъ не сходитъ съ лошади.

Верхомъ на лошади, онъ садится за столъ. Верхомъ на лошади, онъ ложится въ кровать.

Верхомъ на лошади, онъ ходитъ въ школу.

Замѣчено,

...Верхомъ на лошади онъ садится за столъ...

— Поклонъ вашему сѣрому въ яблокахъ.

что венгръ, сойдя съ лошади, становится почти вдвое глупѣе.

И это понятно—одинъ умъ хорошъ, а два, само собой разумѣется, лучше.

При встрѣчѣ венгры никогда не привѣтствуютъ другъ-друга словами:

— Здравствуйте! Какъ здоровье?

— Спасибо. Какъ здоровье вашей супруги?

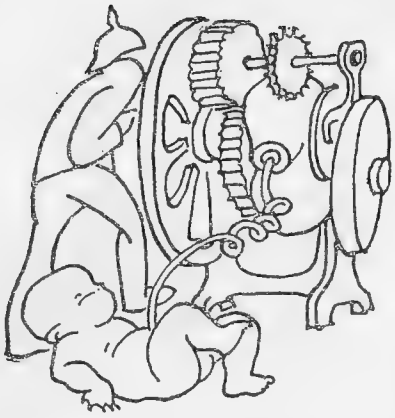
Первыя ихъ слова при встрѣчѣ таковы:

— Какъ здоровье вашей лошади?

— Спасибо. Овесъ ѣстъ. Какъ ваша лошадка?

— Благодарю васъ. Приходите съ вашей лошадью въ гости.

— Обязательно приду. А вы-бы со своей кобылкой когда-нибудь пришли.



Обѣщали выдумать такую машину, которая вполнѣ могла бы замѣнить материнскую грудь.

А при прощаньѣ говорятъ:

— Привѣтъ вашей пѣгой. Поцѣлуйте ее за меня въ ноздри.

— Поклонъ вашему сѣрому въ яблокахъ.

Въ свободное отъ ухода за лошадьми время, венгры пашутъ, боронятъ, засѣваютъ главнымъ образомъ поля свои овсомъ.

О себѣ венгръ мало думаетъ.

— За лошадь,—здраво разсуждаетъ онъ, — деньги даютъ, а за меня никто ничего не дастъ. Даже даромъ не возьмутъ.

Рождаются венгры маленькими, красненькими, но потомъ вырастаютъ и становятся брюнетами.

Венгры пока млекопитающіеся.

Вскорѣ, однако, они перестанутъ быть млекопитающимися, такъ какъ нѣмцы обѣщали имъ выдумать такую машину, которая вполнѣ могла-бы замѣнить материнскую грудь.

Многіе изъ венгровъ доживаютъ до глубокой старости, но до конца своей жизни не перестаютъ быть венграми.

Недаромъ говорится:

— Горбатаго только могила исправитъ.

Венгерки, отбывъ кафешантанную повинность, приступаютъ къ занятію хозяйствомъ.

Характера у венгровъ нѣтъ. Они дѣлаютъ все, что имъ приказываютъ ихъ хозяева—австрійцы.

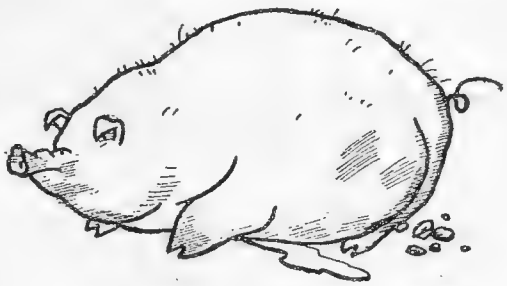
IV.

Промышленность и торговля.

Главный предметъ вывоза въ Венгрію — живой товаръ.

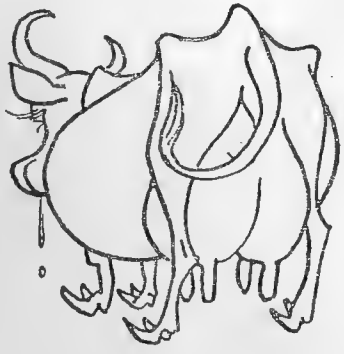
Венгерскія лошади, свиньи, коровы и быки славятся во всемъ мірѣ.

Венгерскую свинью или корову, вы отличите среди сотни другихъ свиней и коровъ.



Венгерская свинья.

Венгерская свинья жирна и отличается громаднымъ ростомъ и нечистоплотностью.



Знаменитая венгерская корова.

Венгерская корова невѣроятно грудаста, глупа и хотя жретъ, какъ лошадь, но молока много не даетъ, а больше всего славится своимъ мясомъ.

До великой евро-

Сапожники міра.

пейской войны венгерскія свиньи, а главнымъ образомъ, коровы были въ большомъ ходу въ Россіи.

Но послѣ войны Венгрія будетъ вынуждена найти для своего живого товара другой рынокъ.

Славится еще Венгрія своими сапожниками. Венгры безусловно лучшіе сапожники въ мірѣ.

Англичанъ называютъ просвѣщенными мореплавателями.

Россія—житница міра.

Франція—виноградникъ міра.

Венгры-же вполнѣ справедливо заслужили свое названіе:

— Сапожники міра.

Въ венгерскихъ университетахъ есть даже кафедра по сапоговѣдѣнію—и имѣются званія:

— Докторъ сапожныхъ наукъ.

— Профессоръ подошвологіи.

— Магистръ подметковѣдѣнія.

Профессоръ подошвологіи.

Кромѣ сапожнаго искусства въ Венгріи процвѣтаетъ еще искусство водочное, винное и ликерное.

Какъ извѣстно, сапожники любятъ выпить.

Венгры до того изощрились въ водочномъ искусствѣ, что изъ всякой дряни могутъ приготовить отличную настойку.

Увидитъ венгръ сливу, и приготовитъ изъ нея графинъ водки.

Увидитъ яблоко—и яблоко превратится въ водку.

Венгерскія водки пользуются громадной извѣстностью среди пьяницъ всего міра.

Есть еще венгерское вино.

Но это, конечно, какъ на чей вкусъ... Есть такіе пьяницы, что пьютъ даже наравнѣ съ политурой—и венгерское вино.

Высшій классъ въ Венгріи торгуетъ также политикой.

Венгерскіе аристократы ведутъ обширную торговлю политическими взглядами.

Торговля, главнымъ образомъ, ведется съ Австріей, причемъ торговцы политикой наживаютъ иногда большіе капиталы.

За послѣдніе годы этотъ родъ торговли сталъ проникать и въ болѣе широкіе круги венгерскаго народа.

V.

Начало венгерскаго королевства.

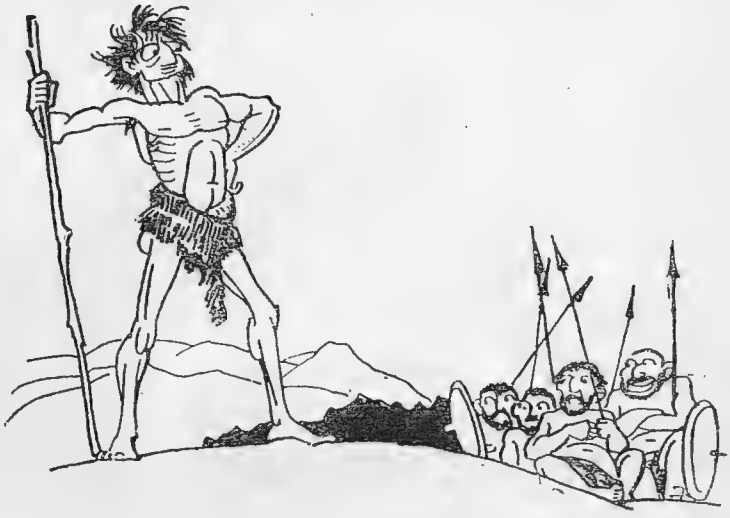
Въ началѣ десятаго вѣка у одного пастуха по имени Арпадъ пропала коза.

Долго искалъ пастухъ козу, все думалъ:

— Не волкъ-ли утащилъ?

Но надъ этой мыслью Арпадъ самъ посмѣялся:

— Зачѣмъ волку моя коза? Что онъ ѣсть ее будетъ, что-ли?



Взялъ онъ свою толстую длинную пастушью палку и пошелъ внизъ...

Въ тѣ времена волки были еще вегетаріанцами и мяса не ѣли.

— Однако, — размышлялъ Арпадъ, — куда могла дѣться коза?

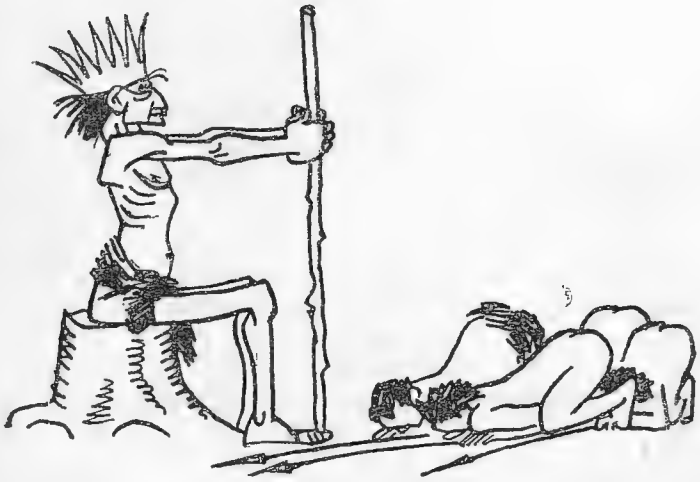
И вспомнилъ онъ, что внизу у подошвы горы живетъ воинственное племя мадьяръ (они-же венгры), и онъ рѣшилъ:

— Ихъ рукъ это дѣло!

Взялъ онъ свою толстую длинную пастушью палку и пошелъ внизъ.

Появленіе Арпада вызвало смущеніе среди мадьяръ.

Коза, конечно, нашлась, и Арпадъ уже собрался было погнать ее обратно въ горы, но вдругъ онъ остановился и спросилъ:



Арпадъ объявилъ себя мадьярскимъ королемъ.

— Послушайте, кто васъ пасетъ?

— Пасетъ?..

Мадьяры (или венгры) обидѣлись.

— Мы люди,—сказали они хвастливо,—мы кормимся, ѣдимъ, а не пасемся.

— Я не въ этомъ смыслѣ. Я хотѣлъ узнать, кто вами правитъ?

— Никто!—отвѣтили венгры.

— То-то вы такіе...

Около минуты размышлялъ Арпадъ, потомъ снялъ съ себя суму, положилъ палку и заявилъ:

— Такъ и быть, я буду пасти васъ.

— Будешь нами править?

— Пусть будетъ „править“. Дѣло не въ словѣ.

Венгры увидѣли, что Арпадъ говоритъ серьезно и согласились, чтобы онъ ими правилъ.

Узнавъ, что венгры идутъ на нихъ войной, румыны отложили свои музыкальные инструменты.

Арпадъ призвалъ золотыхъ дѣлъ мастеровъ и приказалъ имъ сдѣлать себѣ корону.

Когда корона была готова, Арпадъ объявилъ себя мадъярскимъ королемъ и приказалъ найти внѣшняго врага, чтобы объявить ему войну, по обычаю королей

Стали раздумывать венгры:

— Какіе сосѣди наши враги?

Думали, думали и рѣшили:

— Болгары, кажется, слабѣе всѣхъ. Давайте ихъ побьемъ.

— Хорошо!—сказалъ Арпадъ.

Стали воевать съ болгарами. Долго воевали венгры и потерпѣвъ нѣсколько пораженій, съ тріумфомъ возвратились домой.

Спустя нѣсколько времени король сказалъ:

— Болгары—скверный народъ. Ихъ бить хочешь, а они сопротивляются. Неблагодарный народъ. Давайте, объявимъ войну румынамъ.

— Можно!—согласились венгры.

Узнавъ, что венгры идутъ на нихъ войной, румыны отложили свои музыкальные инструменты, сказавъ:

— Какъ-нибудь въ другой разъ доиграемъ.

И, вооружившись, чѣмъ Богъ послалъ, вышли навстрѣчу венграмъ.

Произошло сраженіе, заставившее венгровъ обратиться въ бѣгство.

Венгры съ тріумфомъ прибѣжали домой.

Но не долго сидѣлось спокойно королю. Не прошло и года послѣ войны съ румынами, какъ онъ заявилъ:

— Отчего бы намъ сербовъ не побить?

— Въ самомъ дѣлѣ, отчего бы не побить?

Потерпѣвъ снова пораженіе, венгры снова съ тріумфомъ возвратились домой.

Послѣ этого Арпадъ успокоился и приказалъ народу снова заняться мирнымъ трудомъ.

Долго царствовалъ Арпадъ и умеръ въ глубокой старости.

Передъ смертью онъ приказалъ отнести себя въ горы, къ своему прежнему стаду.

Увидѣвъ своего пастуха, козлы радостно замахали бородами.

Бѣдныя арпадовы козы за все время отсутствія своего пастуха стояли безъ пищи, понуривъ головы.

Увидѣвъ своего пастуха, козлы радостно замахали бородами.

Арпадъ прослезился.

— На кого я васъ промѣнялъ! — воскликнулъ онъ горестно:—отнынѣ я больше васъ не оставлю.

Онъ умеръ, окруженный своимъ первымъ стадомъ.

Венгры и всѣ связанныя съ ними непріятности остались внизу.

VI.

Венгерская конституція.

При одномъ изъ ближайшихъ сыновей Арпада венгры получили конституціонное управленіе, а также писаные законы.

И законами, и конституціей венгерскій народъ остался очень недоволенъ.

— Допустимъ, что это такъ. Ну, а если у тебя украли лошадь?!..

— Зачѣмъ законы?—изумлялись венгры:—безъ законовъ гораздо лучше.

— Какъ-же лучше?—въ свою очередь удивлялся король:—Вотъ, скажемъ ты убилъ кого-нибудь...

— Ну, и всѣмъ удовольствіе этимъ доставилъ.

— Какое же удовольствіе?

— Конечно, удовольствіе. Дѣти получатъ наслѣдство. Жена получитъ новенькаго мужа...

Король соглашался:

— Допустимъ, что это такъ. Ну, а если у тебя украли лошадь?

— Зачѣмъ же я буду ждать, пока у меня украдутъ... Я самъ лучше украду.

— А если тебя кто-нибудь ударитъ?

— Тѣмъ лучше. Онъ меня, а я его. Послѣ драки мириться будемъ, выпьемъ малость. Вотъ драка и принесла тебѣ радость.

Съ конституціей вышло немного легче.

Сначала народъ не зналъ, что это такое, а узнавъ немного огорчился.

— Мы люди занятые,—говорили венгры:—на то и короля наняли, чтобы онъ правилъ нами. За это самое жалованье ему платимъ. А онъ на насъ сваливаетъ.

Но потомъ примирились съ конституціей.

Венгерскій парламентъ трехъ-палатный.

Палаты существуютъ—нижняя, средняя и верхняя.

Венгерскіе депутаты засѣдаютъ во всѣхъ трехъ палатахъ, переходя поочередно изъ одной палаты въ другую.

Въ нижней палатѣ принимается извѣстное рѣшеніе.

Въ средней палатѣ это рѣшеніе отмѣняется единогласно.

Потомъ депутаты переходятъ въ верхнюю палату, гдѣ отмѣненное рѣшеніе единогласно принимается снова.

Теперь, впрочемъ, у венгровъ нѣтъ ни короля, ни конституціи.

У нихъ есть только одна Австрія.

Но венгры очень дорожатъ своей бывшей конституціей и называютъ ее старѣйшей.

Никто съ ними не споритъ, ибо никому отъ этого ни тепло, ни холодно.

— Старѣйшая, такъ старѣйшая!—думаютъ остальные народы:—Пусть называется старѣйшей. Все равно она уже покойница.

При одномъ изъ Арпадовичей стали въ Венгріи чеканить монету.

При другомъ изъ Арпадовичей стали печатать бумажныя деньги.

Не свои бумажныя деньги, а чужія...

При одномъ изъ Арпадовичей на Венгрію напали татары.

Арпадовичъ убѣжалъ изъ Венгріи, но когда татары ушли, онъ снова прибѣжалъ въ Венгрію и сталъ снова править Венгріей.

Имя этого короля произносится съ большимъ уваженіемъ въ Венгріи.

Его считаютъ равнымъ Александру Македонскому, Цезарю и Наполеону.

VII.

Конецъ венгерской монархіи.

Недолго, однако, существовала Венгрія, какъ королевство.

Прекратилось существованіе венгерскихъ королей по двумъ причинамъ—внѣшней и внутренней.

Внѣшней причиной были войны.

Съ кѣмъ венгры ни воевали, они были биты.

Сначала выходило такъ, какъ будто они бьютъ.

Венгры ликовали, украшали свои города флагами, служили благодарственные молебны.

Но, въ концѣ концовъ, всегда оказывалось, что ликованія были ложныя и ни на чемъ не основанныя.

Всегда выходило такъ, что венгры били, били враговъ, а въ результатѣ эти самые враги оказывались хозяевами на ихъ территоріи.

Короли венгерскіе слыли великими героями, дивными стратегами, отличными полководцами, но...

Но всегда они „отступали въ порядкѣ".

Съ горя венгры стали ссориться со своими королями, и тутъ-то выступили на сцену причины внутреннія.

— Слишкомъ дорого обходятся намъ короли!—роп-

Въ это время венгры въ союзѣ съ Турціей воевали противъ Австріи, а въ союзѣ съ Польшей воевали противъ Турціи.

тали венгры:—Не меньше ста тысячъ свиней въ годъ стоитъ намъ эта музыка.

Венгры, несмотря на то, что у нихъ чеканилась монета и печатались бумажки, все еще не привыкли считать на деньги.

Въ народѣ такъ и говорили:

— Сколько заплатили за шапку?

— Четверть свиньи.

— Дорого. А изба во сколько обошлась?

— Свиней въ пять влетѣла.

Такъ и тутъ было. На одномъ изъ засѣданій парламента одинъ изъ депутатовъ произнесъ громовую рѣчь.

Было это въ серединѣ семнадцатаго вѣка.

Вышеназванный депутатъ сказалъ:

— Господа! Свиньи на улицѣ не валяются. Въ сто тысячъ свиней намъ обходится нашъ плохой король. Куда мы идемъ?

Въ это время венгры въ союзѣ съ Турціей воевали противъ Австріи, а въ союзѣ съ Польшей воевали противъ Турціи.

Война кончилась тѣмъ, чѣмъ должна была кончиться—побѣдой всѣхъ воюющихъ сторонъ надъ Венгріей.

Туркамъ некогда было заниматься Венгріей, такъ какъ они ужъ очень спѣшили попасть въ Константинополь, преслѣдуемые поляками.

Полякамъ тоже некогда было—они преслѣдовали турокъ.

Осталась только одна Австрія. Она и сказала Венгріи:

— Будетъ съ тебя, милая, навоевалась. Беру тебя подъ свою власть.

Король венгерскій воспротивился было, но народъ остался очень этимъ доволенъ.

— Намъ-же лучше будетъ. Расходы уменьшатся. А объ Австріи венгры рѣшили такъ:

— Должно быть, очень она глупая, если беретъ на себя такое ярмо.

Такъ и была присоединена Венгрія къ Австріи.

Для приличія венгры нѣсколько разъ устраивали бунты, дѣлая видъ, что хотятъ отложиться отъ Австріи и сдѣлаться снова самостоятельнымъ королевствомъ.

Но, устраивая революцію, венгры молились:

— Дай Богъ, чтобы насъ усмирили. Къ чему намъ королевство? Столько расходовъ!

Такъ они и остались присоединенными къ Австріи до нынѣшняго дня.

VIII.

Образованіе.

Венгры всѣ, не исключая даже венгерскихъ графовъ и другихъ представителей венгерской аристократіи, грамотны.

Въ Венгріи много высшихъ школъ, но обстоятельства какъ-то сложились такъ, что въ наукахъ венгры мало преуспѣваютъ.

Наука до сихъ поръ двигалась впередъ безъ помощи венгерскихъ ученыхъ.

Ученые, конечно, имѣются и въ Венгріи, но по поводу ихъ-то и сложилась извѣстная пословица:

— На безлюдьи и Ѳома дворянинъ.

Венгерскіе ученые какъ-бы стараются не быть знаменитыми.

И въ этомъ ихъ старанія, несомнѣнно, увѣнчиваются успѣхомъ.

По крайней мѣрѣ, до сихъ поръ это очень удавалось, и міру имена венгерскихъ геніевъ въ наукѣ до сихъ поръ неизвѣстны.

Очень хорошо поставлены въ Венгріи ветеринарныя школы.

Медицина-же хромаетъ.

Еще лучше поставлены школы для верховой ѣзды.

Въ начальныхъ школахъ преподаютъ главнымъ образомъ предметы, полезные въ жизни.

Въ первомъ классѣ съ малышами проходятъ курсъ наливкодѣланія.

Во второмъ переходятъ къ приготовленію вина изъ винограда.

Въ третьемъ классѣ переходятъ къ приготовленію вина изъ другихъ предметовъ.

На большихъ перемѣнахъ учениковъ учатъ читать и писать.

По исторіи постановлено проходить только исторію тѣхъ народовъ, которые были побѣждаемы венграми.

А такъ какъ такихъ народовъ почти нѣтъ, то исторія фактически почти устранена изъ венгерскихъ школъ.

Въ общемъ, образованіе свило себѣ въ Венгріи прочное гнѣздо.

IX.

Народное творчество.

На большой высотѣ стоитъ въ Венгріи народное творчество.

Душа венгерскаго народа, какъ въ зеркалѣ, отражается въ народныхъ пѣсняхъ и сказкахъ.

Пѣсни народныя удивительно поэтичны и стоятъ на недосягаемой высотѣ по своей художественности.

Самой популярной народной пѣсней въ Венгріи надо считать:

„Ахъ, вы, свиньи, мои свиньи, свиньи жирныя мои“

Исполняется эта пѣсня хоромъ на мотивъ нашей: „Ахъ, вы сѣни, сѣни новыя мои“.

Исполняется она такъ:

Дѣвки и парни, выстроившись въ ряды, становятся другъ противъ друга.

Дѣвки начинаютъ пѣть:

„Ахъ, вы, свиньи, мои свиньи, свиньи жирныя мои!
Свиньи хрючія, пахучія,
Невымытыя“...

Парни отвѣчаютъ:

„Ой, дѣвица-кобылица!
Обними и пригорнися“.

Дѣвки опять запѣваютъ:

„Смотрите здѣсь,
Смотрите тамъ,
Нравится-ли
Это вамъ“?

Парни начинаютъ въ экстазѣ:

„Ужъ, какъ я-ль мою коровушку люблю!
Сытна пойла я коровушкѣ налью“.

При этихъ словахъ парни бросаются къ дѣвкамъ, хватаютъ ихъ за талію и поютъ:

„Ой, пойди, моя коровушка, домой!
Ой, пойди, моя буренушка, со мной“.

Дѣвки на это отвѣчаютъ:

„Пупсикъ, мой милый пу-упсикъ!“

Тутъ пѣсня прекращается, ибо ротъ безъ участія губъ пѣть не можетъ.

Губы-же въ концѣ пѣсни очень заняты, и имъ не до пѣнья.

Какъ мы уже имѣли случай сказать раньше, въ жизни венгровъ шантанъ играетъ большую роль.

Венгерская дѣвушка съ пятнадцатилѣтняго возраста отправляется въ Европейскіе и даже азіатскіе центры для украшенія кафешантанныхъ эстрадъ.

Тутъ пѣсня прекращается...

Въ каждой венгерской деревнѣ имѣется школа шантаннаго искусства.

Каждая венгерская дѣвушка, начиная съ шестилѣтняго возраста, обязана посѣщать эту школу.

Подъ руководствомъ опытныхъ дѣятелей кафешантанной сцены, ученицы проходятъ курсъ шантанныхъ наукъ.

Ихъ учатъ поднимать ножку съ такимъ разсчетомъ, чтобы былъ виденъ ажурный чулокъ.

...съ такимъ разсчетомъ. чтобы былъ виденъ ажурный чулокъ.

Въ высшихъ классахъ учатъ, какъ надо стрѣлять глазками, а, главное,—учатъ искусству присаживаться къ столикамъ.

Въ старшемъ педагогическомъ большое вниманіе обращается на мужчиновѣдѣніе.

Ученицы находятся на порогѣ жизни. Нужно, чтобы, переступивъ черезъ порогъ, онѣ умѣли распознавать по наружному виду, какой мужчина пойдетъ на шампанское, какой на фрукты, какой на кофе съ ликерами.

Понятно, что въ народной поэзіи шантанъ не прошелъ безслѣдно.

Венгерская женщина горько жалуется на свою долю въ пѣснѣ:

„Какъ въ Россіи я была,
Я шампанское пила.
А какъ замужъ вышла,
Голодать приходится.

Марокъ триста я въ Берлинѣ
Въ мѣсяцъ получала.
А теперь... Ѣмъ, пью на глинѣ,
И постель мочала"!..

Пѣсня нескладная, какъ всякая народная пѣсня, но сколько въ ней чувства! Сколько горя слышится въ ней! Какая въ ней звучитъ тоска по Россіи, гдѣ пьютъ шампанское и ѣдятъ икру!

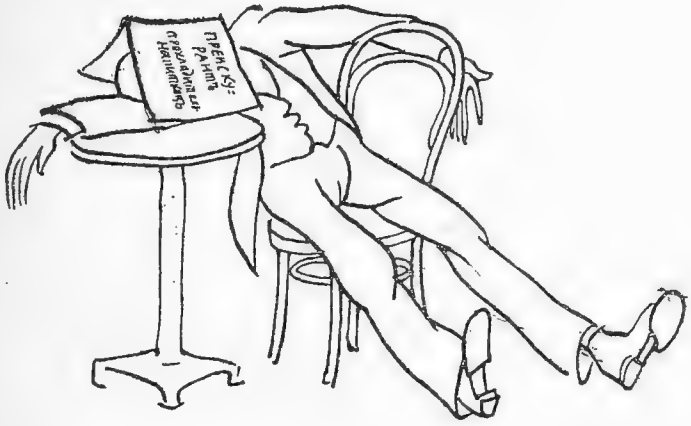
По Берлину, гдѣ хорошая икрастая венгерка заработаетъ въ мѣсяцъ „марокъ триста".

Кромѣ шантанныхъ пѣсенъ имѣются также пѣсни хозяйственныя, проникнутыя глубокимъ чувствомъ.

Самая популярная изъ этихъ пѣсенъ—„Лошадиная".

„У Мункачи былъ конь
При конѣ былъ жеребенокъ.
О! Венгрія! О! Венгрія!
Ты лошадинѣй всѣхъ.

Ученицы находятся на порогѣ жизни...



Конь былъ прежде жеребенкомъ,
Изъ жеребенка выйдетъ конь.
О, Венгрія! О, Венгрія!
Ты жеребячей всѣхъ!
У коня ноги четыре
Столько-жъ ногъ у жеребенка.
О, Венгрія! О, Венгрія!
Ты многоножнѣй всѣхъ!
У коня два уха были
Уха два у жеребенка.
О, Венгрія! О, Венгрія!
Ушастѣе ты всѣхъ".

Пѣсня эта безконечна. Послѣ ушей воспѣвается языкъ коня, потомъ глаза, каждый зубъ въ отдѣльности и т. д.

Кто авторъ этой чисто народной и высоко лирической пѣсни трудно сказать.

Несомнѣнно, что ее самъ народъ сочинилъ.

А можетъ быть, она и сборная, какъ всѣ великія произведенія—Иліада, сочиненія Шекспира и т. д.

Какъ бы то ни было, но эта пѣсня почти служитъ гимномъ въ Венгріи.

Ее поютъ и играютъ оркестры въ самыхъ торжественныхъ случаяхъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что ее исполняли бы въ дни великихъ побѣдъ надъ врагами, если бы въ исторіи Венгріи существовали побѣды.

X.

Сказки.

Въ области народнаго творчества рядомъ съ пѣсней занимаютъ почетное мѣсто и сказки.

Сказки въ Венгріи, по большей части, героическія.

Въ нихъ разсказывается о людяхъ смѣлыхъ, ловкихъ, не знающихъ страха.

Герои сказокъ совершаютъ смѣлые подвиги, презираютъ опасность, ненавидятъ спокойную, лишенную приключеній жизнь.

Герои сказокъ, главнымъ образомъ,—конокрады.

Приводимъ нѣкоторыя изъ популярнѣйшихъ въ Венгріи сказокъ.

Сказка первая. Называется она:

1.

Справедливость судьбы.

... Жилъ былъ крестьянинъ, которому въ жизни не везло.

Была у него жена, такая некрасивая, что даже въ Россіи она успѣха не имѣла.

— Не жалуйся на судьбу. Твое счастье близко.

А ужъ это извѣстно, что въ Россіи всякая женщина, если она только иностранка, пользуется колоссальнымъ успѣхомъ.

Нѣсколько разъ онъ строилъ себѣ домъ, но каждый разъ домъ сгоралъ прежде, чѣмъ крестьянинъ успѣвалъ застраховать его.

Каждый годъ онъ пахалъ и сѣялъ, но то́ градъ забивалъ его поле, то солнце сжигало его.

И надумалъ крестьянинъ:

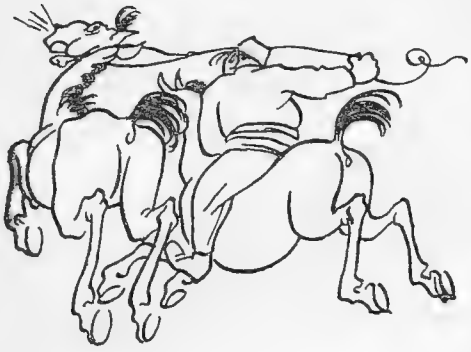
— Пойду въ другую деревню. Можетъ быть, съ перемѣной мѣста перемѣнится и счастье.

Такъ онъ и сдѣлалъ.

Вышелъ крестьянинъ изъ родного села рано утромъ, но лишь только онъ вышелъ, какъ наступила полночь и полилъ дождь.

Продрогъ крестьянинъ, промокъ до ниточки, а куда итти и гдѣ скрыться отъ дождя не—знаетъ.

И возропталъ онъ. Сталъ жаловаться на судьбу:



...вывелъ двухъ лучшихъ графскихъ жеребцовъ.

— Почему я такой несчастный? Лучше бы мнѣ не родиться на свѣтъ, такому несчастному.

Лишь только онъ это сказалъ, какъ услышалъ голосъ:

— Не жалуйся на судьбу. Твое счастье близко.

Выглянулъ мѣсяцъ, и при свѣтѣ его крестьянинъ увидѣлъ сѣдого старичка.

— Кто ты?—спросилъ крестьянинъ.

— Я добрый волшебникъ! — сказалъ старичекъ: — Жалко мнѣ тебя стало, и я пришелъ помочь тебѣ.

Старичекъ положилъ руку на плечо мужичка и сказалъ ему:

— Ступай прямо впередъ. Отсчитай сто шаговъ и повернись налѣво. Сдѣлай еще пятьдесятъ шаговъ и ты увидишь передъ собой конюшню графа. Сторожа спятъ. Остальное зависитъ отъ тебя.

Сдѣлалъ крестьянинъ такъ, какъ ему сказалъ добрый волшебникъ.

Сторожа, дѣйствительно, спали. Крестьянинъ безъ труда сломалъ замокъ и вывелъ двухъ лучшихъ графскихъ жеребцовъ.

Выручивъ за нихъ деньги, онъ построилъ себѣ прочный домъ, который бурь не боялся.

Кромѣ того, онъ прикупилъ землицу и взялъ работника.

Женѣ онъ накупилъ всякихъ женскихъ вещей; она стала наряжаться, и стала казаться красивѣе.

Такъ справедливость въ концѣ концовъ восторжествовала.

2.

Добрый Яковъ.

У Якова было очень доброе сердце.

За всѣхъ онъ болѣлъ душой. Бывало увидитъ, какъ трудится въ полѣ лошадь, и слезы у него сейчасъ появятся на глазахъ.

— Господи!—думалъ онъ:—міръ такъ прекрасенъ, а все живущее на немъ должно отравлять себѣ жизнь трудомъ.

— Господи!—думалъ онъ:—міръ такъ прекрасенъ.

За доброту всѣ любили добраго Якова, но глядя на него всѣ думали:

— Какъ это несправедливо! Яковъ всѣхъ добрѣе насъ и всѣхъ бѣднѣе. Неужели, такая добродѣтель, какъ доброта, ничѣмъ не должна быть награждена?

Но слѣпые люди ничего не видѣли. Они не знали, какое счастье ждетъ добраго Якова.

Однажды вечеромъ добрый Яковъ возращался съ поля домой.

Вдругъ онъ замѣтилъ въ сторонѣ отъ дороги, подъ деревомъ, что-то черное.

Приблизившись, онъ увидѣлъ спящаго путника. Послѣдній, положивъ подъ голову кожаный мѣшокъ, крѣпко спалъ.

— Какъ сладко спитъ!—подумалъ добрый Яковъ:— хорошо человѣку, когда онъ спитъ.

Невольно онъ подумалъ:

— Теперь онъ спитъ, и ему хорошо, а проснется... Сколько горя и непріятностей даетъ человѣку жизнь. Сонъ—счастье. Жизнь—горе.

И такъ жалко стало путника бѣдному Якову, что онъ, не колеблясь, рѣшилъ:

— Я избавлю этого человѣка отъ горя... Пусть не просыпается онъ никогда...

Тутъ добрый Яковъ вынулъ изъ кармана свой складной ножъ, открылъ его и всадилъ его по рукоятку въ горло путника.

Сдѣлавъ это, добрый Яковъ, открылъ кожаный мѣшокъ, и увидѣлъ, что онъ набитъ серебромъ.

Добрый Яковъ сталъ богаче всѣхъ на селѣ, и никто ему не завидовалъ. Всѣ говорили:

— Онъ заслужилъ это. Ему это награда за доброту.

Тутъ добрый Яковъ вынулъ изъ кармана свой складной ножъ...

Подобныхъ сказокъ много у венгровъ.

Въ зимніе вечера старики разсказываютъ ихъ молодежи, внимательно слушающей.

Эти сказки развиваютъ въ чуткой деревенской молодежи желаніе быть добродѣтельными и добрыми.

Каждому хочется быть такимъ, какъ герой въ сказкѣ.

XI

Литература и искусство.

Въ большихъ городахъ нищіе, собирающіе на улицахъ милостыню, имѣютъ каменные дома.

По большей части самый заурядный нищій богаче богача средней руки.

Съ каждаго копеечка, а копеечка рубль бережетъ.

Когда говорятъ о венгерской литературѣ, о венгерскомъ искусствѣ, невольно вспоминаются богатые нищіе въ большихъ городахъ.

Литература у венгровъ—самая богатая литература въ мірѣ.

У нихъ есть Шекспиръ, Гете, Гейне, Вольтеръ, Золя, Пушкинъ, Сервантесъ.

У нихъ все есть.

О венгерскихъ великихъ поэтахъ, драматургахъ, романистахъ, новеллистахъ и т. д. міръ мало освѣдомленъ.

У каждаго народа есть свой великій поэтъ.

У венгровъ нѣтъ.

Да зачѣмъ онъ имъ?

Венгры, какъ нищіе, сидятъ на тротуарѣ и выпрашиваютъ у каждаго по грошику.

Каждый прохожій подастъ. Нищему отчего не подать? Много-ли нищему нужно?

А онъ по грошику, по грошику съ каждаго прохожаго. Анъ глядишь, и домъ готовъ.

Лучшая литература именно у венгровъ.

У нихъ Толстой, Шекспиръ, Гете, Мильтонъ, Диккенсъ, Пушкинъ, Вольтеръ.

Не важно, откуда кирпичики натасканы. Важенъ фактъ. Важно то, что существуетъ домъ.

Своихъ кирпичей въ зданіи венгерской литературы у венгровъ нѣтъ.

То же самое въ искусствѣ.

У венгровъ есть Рафаэль, Леонардо-да-Винчи, Рембрандтъ, Пракситель, Роденъ...

По грошику съ каждаго...

Венгерское искусство—богатѣйшее въ мірѣ.

XII.

Театръ.

Театръ въ Венгріи до сихъ поръ стоитъ на недосягаемой высотѣ.

Самой геніальной пьесой до нынѣшняго дня въ Венгріи считается (и вполнѣ справедливо) „Цыганскій баронъ“.

Венгерскаго театра не коснулись новыя вѣянія.

Рейнгартовщина, меерхольдизмъ и крэгизмъ прошли мимо него, не задѣвъ его ни капельки.

По старому, венгерскій театръ стоитъ незыблемо, и безсмѣнно ставятся въ немъ „Цыганскій баронъ“ „Птички пѣвчія“ и „Корнвильскіе колокола“.

По старому, театръ является въ Венгріи храмомъ чистаго искусства.

Венгры любятъ вездѣ чувствовать себя, какъ дома, и въ театръ они приходятъ со всей семьей, съ кофейникомъ и съ чашками для кофе.

Мужчины приносятъ въ карманахъ бутылочку съ хорошей венгерской настойкой.

Когда поетъ теноръ, женщины пьютъ кофе.

Подъ баритона мужчины пьютъ настойку.

Подъ баса пьютъ венгерское.

Часто, къ концу спектакля, мужчины по семейному храпятъ, откинувшись на спинку кресла.

Вѣрныя жены охраняютъ ихъ сонъ.

Венгрія дала театру огромное число великихъ артистовъ, артистокъ, пѣвцовъ и пѣвицъ.

Кому, напримѣръ, неизвѣстны имена Дузе, Сарры Бернаръ, Савиной, Шаляпина, Мазини, Аделаиды Патти Баттистини и другихъ.

Какія имена!

Какой еще народъ далъ сразу столько блестящихъ именъ.

Ни одинъ!

Теперь въ Венгріи существуетъ сильное теченіе поднять театръ еще выше.

Съ этой цѣлью выработанъ проэктъ о перенесеніи всѣхъ театровъ въ Венгріи на вершины Карпатъ.

Если этотъ проэктъ будетъ осуществленъ, то выше венгерскаго театра не будетъ ни одинъ театръ въ мірѣ.

XIII.

Климатъ.

Въ заключеніе нѣсколько словъ о венгерскомъ климатѣ.

Венгрія находится почти на одной широтѣ съ прекрасной Франціей.

И много вѣковъ тому назадъ климатъ тамъ былъ такой-же мягкій и благодатный, какъ во Франціи.

Было это до пришествія венгровъ въ нынѣшнюю Венгрію...

Съ пришествіемъ венгровъ стало замѣчаться сильное ухудшеніе климата.

Венгры испортили климатъ.

Даже теперь, когда стали устраивать вездѣ канализацію, когда появились превосходные электрическіе вентиляторы, озонаторы и тому подобныя воздухоочистительныя средства, климатъ въ Венгріи къ лучшему не измѣнился.

Не даромъ говорится, что климатъ человѣка боится.

О. Л. Д'оръ.

ТУРЦІЯ.

Текстъ *Арк. Аверченко.*

Иллюстр. *А. Розанова.*

ТУРЦІЯ.

ТУРЦІЯ.

Введеніе.

Мы почти ничего не знаемъ о Турціи. Нужно имѣть мужество признать это. А такъ какъ мы, русскіе, въ смыслѣ искренности—народъ чрезвычайно мужественный, то мы охотно признаемъ, что о Турціи ничего не знаемъ.

Есть, конечно, нѣсколько русскихъ ученыхъ, которые съ легкимъ сердцемъ жонглируютъ такими загадочными словами, какъ вилайетъ, редифъ, низамъ, Новобазарскій (?!) Санджакъ (?), но и эти люди въ тиши ночей, когда совѣсть остается глазъ на глазъ съ человѣкомъ—проводятъ время, назначенное для сна, въ терзаніяхъ и сомнѣніяхъ: правильно ли они употребили въ своей статьѣ слово „вилайетъ"—обозначивъ этимъ понятіемъ свадебный обычай турецкаго низама? Не ошиблись ли они, полагая, что Новобазарскій Санджакъ—это родъ одежды, носимой горскими племенами восточнаго редифа.

А въ какое положеніе ставятъ ученыхъ такія слова, акъ „ливы", „казы" и „нагиры".

Въ чемъ тутъ дѣло?

Съѣдобны ли эти ливы и живутъ ли въ этихъ „казахъ"? Покрываются ли нагирами или сморкаются въ нихъ?

...съ легкимъ сердцемъ жонглируютъ такими загадочными словами, какъ вилайетъ, редифъ, низамъ, Новобазарскій, Санджакъ...

Единственное турецкое слово, которое не возбуждаетъ никакихъ сомнѣній это—кофе; но легко ли по одному слову вывести заключеніе объ этнографическомъ, политическомъ и административномъ устройствѣ современной Турціи.

Никому также доподлинно неизвѣстно—чѣмъ занимаются турки? Сидѣніе въ константинопольскихъ кофейняхъ и игра въ домино на чашку крѣпкаго кофе—еще не есть занятіе, приносящее деньги, потому что, кромѣ оплаты выпитаго кофе, нужны средства для содержанія женъ, дѣтей, евнуховъ *) и, вообще, всего, сложнаго турецкаго хозяйства.

Судя по газетнымъ телеграммамъ за послѣднія нѣсколько лѣтъ,—главное турецкое производство внутри страны—это рѣзня армянъ, но и тутъ едва ли турки преслѣдуютъ меркантильную цѣль. Вышеуказанное нужно разсматривать скорѣй, какъ развлеченіе, чѣмъ—какъ трудъ.

Это соображеніе подкрѣпляется еще тѣмъ, что послѣ

*) Разновидность мужчины.

...европейская дипломатія дѣлала представленіе Турціи.

каждой такой увеселительной рѣзни, европейская дипломатія дѣлала представленіе Турціи.

Неопытные въ дипломатическихъ закорючкахъ турки понимали слово „представленіе" въ бытовомъ, театральномъ смыслѣ, и не найдя въ дипломатическомъ представленіи элементовъ зрѣлища, разочарованные, снова обращали свой взоръ на армянъ.

И снова армяне умирали, какъ мухи, отъ этого взора, и снова европейская дипломатія дѣлала „представленіе".

Это уже стало переходить въ бытъ. Маятникъ турецкой жизни мирно покачивался отъ армянской рѣзни къ представленію и обратно, и неизвѣстно — долго ли бы еще продолжалось это мирное тиканье турецкихъ часовъ, если бы въ концѣ текущаго года честный русскій кулакъ не хватилъ изо всей силы по турецкому циферблату...

* * *

Что мы знаемъ о Турціи?

Ничего.

Пишущему эти строки нѣкій молодой человѣкъ однажды сказалъ:

— Почему всѣ такъ восхищаются знаменитой „Джіокондой“? Ничего въ ней особеннаго.

— Да вы „Джіоконду“, когда-нибудь видѣли?

— Господи!—изумился молодой человѣкъ. — „Джіоконду-то“? Сколько разъ! Каждый день.

— Гдѣ?

— Да на папиросной же коробкѣ. Я теперь только и курю папиросы „Джіоконда“. И не потому, чтобы мнѣ картина нравилась—обыкновенная женская головка,— а просто табакъ легкій.

Конечно, есть въ Россіи милліоны людей, которые знакомятся съ „Джіокондой“ только по папиросамъ 10 штукъ 6 коп., съ упаковкой.

Но это еще пустое. „Джіоконда“ только картина, ничего болѣе. И превратное о ней понятіе никого огорчить или взбѣсить не можетъ.

Но вѣдь мы, русскіе, и съ Турціей знакомы только по курительному дѣлу.

Въ самомъ дѣлѣ: 1) Есть табакъ—турецкій; 2) Есть табакъ подъ названіемъ—султанскій; 3) Есть папиросы „Звѣзда гарема“; 4) Есть сигаретки „Одалиска“.

По табачной коробкѣ русскій средній человѣкъ изучаетъ Турцію: красками нарисованъ толстый человѣкъ съ черными усами, въ широкихъ шальварахъ, сидящій на полосатомъ диванѣ, съ какой-то кишкой въ зубахъ, другой конецъ которой прикрѣпленъ къ замысловатому кувшинчику. Турокъ окруженъ нѣсколькими пестро и безтолково одѣтыми женщинами, въ шароварахъ и съ босыми ногами, на кончикѣ которыхъ виситъ красная туфелька.

Вотъ и все. Тутъ тебѣ и этнографія, тутъ тебѣ и семейный укладъ, тутъ тебѣ и родъ занятій.

Долго разсматриваетъ любознательный русскій человѣкъ это произведеніе искусства и долго потомъ головой качаетъ:

— Такъ вотъ она какая—Турція.

— А что?

— Да вонъ, видите, такъ всю жизнь и проводятъ на диванахъ за куреніемъ, около бабъ! За другимъ занятіемъ его ни на одной коробкѣ не увидишь. Одно слово—Новобазарскій санджакъ.

— То-есть?

— Да ужъ будьте покойны. Кишка-то изо рта торчитъ не зря. Все подличаютъ.

— Именно?

— Лѣнивы они очень, сударь. Видали, какой кувшинчикъ закрутили? Все шатай-болтай, какъ говорится. А въ головѣ—ничего. И одѣться норовитъ, какъ почуднѣй. Дѣйствительно, такому чучелу только на диванѣ и сидѣть. Нешто на улицу можно въ энтакомъ видѣ показаться? Моментально вилайеты сцапаютъ и въ наргиле предоставятъ—потому не безобразь.

— Вы думаете?

— И думать не желаю. Стану я надъ туркомъ какимънибудь голову ломать. Это ужъ извѣстно, каждому свое; и пословица такая есть: турокъ куритъ трубку, курка клюетъ крупку. Вы ужъ со мной, сударь, о Турціи не спорьте. Все это намъ извѣстно.

Вотъ и вся русская освѣдомленность...

По справедливости — цѣлый сонмъ русскихъ ученыхъ не сдѣлалъ для популярности Турціи въ Россіи столько — сколько поработалъ на этомъ дѣлѣ дядя Михѣй, вотъ уже сколько лѣтъ насаждающій

этнографическо-турецко-табачную поэзію среди малыхъ сихъ:

Вотъ курите табакъ турецкій,
Остальные табаки имѣютъ вкусъ звѣрскій.

Или:

Отворяйте окна, двери,
Сейчасъ закурю султанскій табакъ
„Пэри".

Юношество заучивало эти стихи наизусть и, такимъ образомъ, въ Россіи незамѣтно прививался интересъ къ экзотичной Турціи...

Но все же мало мы знаемъ Турцію.

И вотъ, поэтому, я, пишущій эти строки, поставилъ себѣ задачей — благородной, возвышенной задачей!—ознакомить Россію съ Турціей на основаніи строго провѣренныхъ научныхъ данныхъ...

Происхожденіе турокъ.

Впервые выползли на свѣтъ Божій турки—изъ глубины центральной Азіи.

Было это въ средніе вѣка, а точнѣе—трудно опредѣлить годъ и мѣсяцъ турецкой авантюры.

Историковъ тогда не было, а если бы и были, то они отъ стыда за поступки своего народа и пера бы въ руки не взяли...

Еще до Рождества Христова турки уже вступили въ длительную борьбу съ китайцами.

Китайцы называли турокъ пе-ти или гіонгъ-ну.

Если нашъ благосклонный читатель не говоритъ по китайски, то мы не совѣтуемъ, вообще, вставлять этихъ двухъ словъ въ разговоръ гдѣ-нибудь на свѣтской ве-

черинкѣ и не шептать на ухо барышнѣ послѣ тура вальса:

— Вы танцуете, какъ гіонгъ-ну! Ваши глазки — настоящіе пе-ти!..

Этого не слѣдуетъ дѣлать.

Ибо, пе-ти означаетъ западная собака, а гіонгъ-ну— презрѣнный рабъ.

(Авторъ въ этомъ мѣстѣ надѣется, что его освѣдомленность вызоветъ изумленіе благосклонныхъ читателей)...

Турки, впрочемъ, тоже мастера ругаться, и въ отместку за китайскія оскорбленія называютъ всѣхъ европейцевъ—гяурами.

Но европеецъ справедливо разсуждаетъ, что отъ „слова не станется“ и, поэтому, не обижаясь, постепенно захватываетъ турецкія концессіи и таможенныя льготы.

Турецкая исторія.

Впервые свою прыть турки показали, когда еще ихъ называли не турками, а сельджуками.

Откуда произошло слово сельджукъ — неизвѣстно. Мы пробовали даже разбивать его на составныя части, но кромѣ безсмысленной сельди и жука ничего не получалось.

Мы думаемъ, что это слово придумано турками въ качествѣ псевдонима—лишь бы какъ-нибудь потихоньку пробраться въ Европу.

А, пробравшись, турки сразу сбросили съ себя личину псевдонима и, цинично захохотавъ, объявили:

— А мы вовсе турки, а не сельджуки... Что, взяли, голубчики? А подать сюда Тяпкина-Ляпкина!

И устроили рядъ скандаловъ.

* * *

Поведеніе турокъ въ Европѣ было ниже всякой критики—они завоевыавли все, что подвертывалось подъ руку.

Первымъ и самымъ знаменитымъ ихъ полководцемъ-побѣдителемъ былъ Отманъ или Османъ. Турки такъ обрадовались умному человѣку, вынырнувшему среди нихъ, что не знали даже, какъ его и называть — Отманомъ или Османомъ. Называли и такъ, и этакъ,—благо тотъ откликался.

Впослѣдствіи, образуя свою имперію (тоже хотѣли, какъ у людей!) Турки назвали ее Оттоманскою, а себя османлисами. Тутъ-то два имячка и пригодились!

Сына Отмана называли по-просту Арканъ.

Даже не каламбуря, можно сказать, что въ то время вся новоиспеченная Оттоманская Имперія только Арканомъ и держалась. Всѣ упованія были на Арканѣ, и онъ оправдалъ ихъ: сочинилъ войско—янычаръ.

Приготовленіе янычаръ происходило по простому шаблону: выискивали семью христіанъ; матери и отцу перерѣзывали горло, а мальчишку-сына забирали въ янычары. Не имѣя ни отца, ни матери, мальчишка получалъ отвратительное воспитаніе, что отъ янычара и требовалось.

Получивъ воспитаніе, такой отпѣтый мальчишка могъ по приказанію начальника сдѣлать, что угодно, памятуя, что терять нечего—отецъ не высѣчетъ и мать не оставитъ безъ сладкаго.

Съ этими безобразниками турки сдѣлали много завоеваній, хотя янычаръ было всего 12.000—20.000 человѣкъ.

Пропустивъ незначительнаго Солимана, отмѣтимъ его брата Амурата I, о которомъ историкъ Колласъ говоритъ:

„Этотъ государь былъ мужественнымъ, но въ то же время невѣжественнымъ до такой степени, что на государственныхъ бумагахъ, вмѣсто подписи, прикладывалъ свою руку, обмокнутую въ чернила".

Облизывалъ ли онъ потомъ, подобно приготовишкѣ, свою руку—историкъ не говоритъ, но что обмѣниваться съ нимъ рукопожатіемъ не было большихъ охотниковъ—такъ это вѣрно.

И поддѣлать такую подпись ничего не стоило. Только безрукіе не рѣшались на это.

О преемникѣ Амурата, Баязетѣ, историкъ говоритъ просто:

„Баязетъ началъ съ удушенія своего брата, чѣмъ подалъ примѣръ, которому преемники его слѣдуютъ до нашихъ дней".

Впрочемъ, Баязетъ нашелъ на себя палку: на него напалъ Тимуръ, взялъ его въ плѣнъ, и по словамъ того же историка „какъ утверждали одни — обращался съ нимъ великодушно, а по словамъ другихъ — возилъ его съ собою заключеннымъ въ желѣзную клѣтку".

Мы думаемъ, что здѣсь противорѣчіе только кажущіеся: просто первая категорія историковъ была настолько неизбалованной, что и желѣзная клѣтка казалась имъ верхомъ великодушія и комфорта.

Все 15-е столѣтіе Оттоманы только и дѣлали, что воевали съ кѣмъ попало. Мирная жизнь была имъ несвойственна.

Баязетъ.

Былъ, впрочемъ, султанъ Магометъ II (1451—1481), который любилъ искусство, но любилъ онъ его какъ-то странно: когда итальянскій художникъ Беллини писалъ картину „Усѣкновеніе главы Іоанна-Крестителя", то Магометъ II собственноручно отрѣзалъ голову одному невольнику, чтобы дать возможность художнику видѣть конвульсивныя сокращенія мускуловъ. Магометъ даже не обратилъ по своей недалекости вниманія на то, что въ данномъ случаѣ интересы искусства и невольника рѣзко разошлись...

Кромѣ искусства Магометъ увлекался пинкертоновщиной и сыскомъ, но тоже налагалъ на это занятіе печать своеобразности: приказалъ однажды распороть животы 14 пажамъ, ради того лишь, чтобы узнать, кто изъ нихъ съѣлъ дыню. Очевидно, первые тринадцать оказались пустыми, невинными, и только четырнадцатый понесъ тяжкую кару за сластолюбіе.

Тотъ же Магометъ ненравившихся ему людей приказывалъ распиливать (?) на-двое, будучи справедливо увѣренъ, что эти люди, умножаясь въ количествѣ, теряли въ качествѣ.

Вообще, о такомъ негодяѣ авторъ больше не хочетъ писать. Необходимо только упомянуть, что это именно онъ отнялъ Константинополь у грековъ и устроилъ имъ такую рѣзню, что „янычарамъ надоѣло рѣзать не сопротивлявшееся населеніе".

Можно вообразить, что это было, если даже трудолюбивымъ „янычарамъ надоѣло".

* * *

Родственникъ Магомета II, Селимъ I, былъ юношей съ богатыми задатками: чтобы облегчить себѣ вступленіе на престолъ, онъ „зарѣзалъ пятерыхъ племянни-

ковъ и двухъ братьевъ". За это современники прозвали его Непреклоннымъ.

Очевидно, мало было словъ въ арсеналѣ современниковъ, если они не могли подобрать словечка, болѣе подходящаго...

Селима смѣнилъ Солиманъ, который былъ столь воинственнымъ, что даже во снѣ размахивалъ кулаками задѣвая любимую жену.

Дрался онъ съ кѣмъ только можно и, истощенный войнами, не могъ дожить до нашего времени, что удалось намъ—мирнымъ, уравновѣшеннымъ людямъ.

СЕЛИМЪ II. АМУРАТЪ. АМУРАТЪ IV. МАГОМЕТЪ. СОЛОМОНЪ.

Послѣ этого Солимана пошли уже повторенія, оттиски прежнихъ могущественныхъ оригиналовъ: Селимъ II, Амуратъ III, Амуратъ IV, Магометъ IV, Солиманъ II—все мелкота, ничѣмъ особымъ не выдѣлившаяся. Пытались, конечно, тоже вести воинственный образъ жизни, но это было уже не то. Какъ говоритъ простодушный историкъ того времени — „у нихъ была кишка тонка".

Жили скучно, грязно, ѣли баранину вмѣсто вилокъ руками, а руки потомъ вытирали взамѣнъ салфетокъ объ голову, нося, такъ сказать, съ собой на территоріи между руками и головой весь столовый приборъ... Такимъ образомъ, со временъ Амурата I, турецкая рука претерпѣла эволюцію отъ—письменнаго до столоваго прибора.

Шведскій король въ бѣшенствѣ разорвалъ своими шпорами кафтанъ безстрашнаго мусульманина, (Стр. 114).

Среди этихъ султановъ, какъ оазисъ въ пустынѣ, блеснулъ только одинъ Ахметъ III: вступивъ на престолъ, онъ приказалъ утопить 15000 янычаръ. Эта реформа доставила ему уваженіе многихъ.

Около того же времени въ исторіи обрисовался силуэтъ одного короля, котораго справедливо можно было охарактеризовать словами распространенной поговорки:

— Погибъ, какъ шведъ подъ Полтавой.

Ни къ кому другому, такъ какъ къ нему—не была примѣнима эта поговорка.

Этотъ человѣкъ былъ—Карлъ XII, разбитый Петромъ Великимъ подъ Полтавой и бѣжавшій въ Турцію.

Онъ имѣлъ сильное вліяніе на султана и заставилъ его даже объявить войну Россіи, но изъ этого ничего не вышло. Петръ счастливо ускользнулъ отъ превосходныхъ турецкихъ силъ на берегу Прута...

Дальше– предоставляемъ слово историку:

„Карлъ XII сильно упрекалъ визиря султана Балтажи Магомета за невзятіе въ плѣнъ Петра. „А кто же сталъ бы тогда управлять его государствомъ?“—отвѣчалъ хладнокровно Балтажи; „не хорошо, если всѣ короли будутъ жить не у себя дома“ (Калласъ).

Такъ какъ шведскій король самъ въ это время болтался въ Турціи, вмѣсто того, чтобы сидѣть дома—то ядовитая стрѣла попала въ цѣль.

Историкъ прибавляетъ:

„Шведскій король въ бѣшенствѣ разорвалъ своими шпорами кафтанъ безстрашнаго мусульманина“.

Мы лично считаемъ этого мусульманина однимъ изъ самыхъ умныхъ османлисовъ. Вотъ ужъ, дѣйствительно, можно воскликнуть: Балтажи, а какой умный!

Со времени исторической фразы Балтажи началось паденіе Имперіи Османовъ—на нее набросилось

столько народу, что отъ Османовъ только клочья летѣли.

Однако, клочья эти были такого размѣра, что авторъ настоящаго изслѣдованія удовольствовался бы половиной любого клочка—какъ гонораромъ за свои историческія изысканія: Турція потеряла Бѣлградъ, Тамашваръ (есть и такой) Валахію до рѣки Алуты, и часть Сербіи, Албанію и „кое-что около Персіи".

Во внутренней турецкой жизни въ эти годы сыгралъ большую роль какой-то Патронъ-Халиль, торговецъ платьемъ. Онъ ни больше не меньше, какъ смѣстилъ султана и посадилъ на его мѣсто другого.

Времена были не нынѣшнія: теперь даже самый большой торговый домъ въ Вѣнѣ, одѣвающій вѣнокъ и издающій собственный журналъ „Вѣнскій шикъ"—если бы вздумалъ смѣстить Франца-Іосифа и посадить на его мѣсто кого-нибудь поумнѣе—на такой торговый домъ всѣ посмотрѣли бы, какъ на сумасшедшій домъ.

А тогда Патронъ-Халиль игралъ большую роль, хотя весь его магазинъ былъ перекинутъ черезъ лѣвую руку и все рекламное дѣло основывалось на устной публикаціи:

— Халатъ, халатъ!

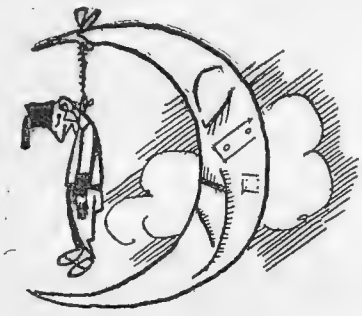
Свергнувъ стараго султана и явившись къ новому, Патронъ-Халиль сказалъ:

— Я знаю, что ожидаетъ людей, берущихся низлагать падишаховъ, но смерти не боюсь, такъ какъ счастливъ видѣть тебя на тронѣ.

Султанъ отвѣтилъ:

— Клянусь тебѣ моими предками, что не посягну на твою жизнь. Напротивъ, проси у меня чего хочешь. Я награжу тебя.

Патронъ-Халиль ограничился просьбой объ отмѣнѣ тяжелыхъ налоговъ отягощавшихъ бѣдный классъ.



Умиленный султанъ сдѣлалъ даже больше просимаго: онъ приказалъ заколоть Патрона-Халиля.

Такимъ образомъ принципъ "патроновъ не жалѣть" былъ впервые проведенъ въ жизнь Махмудомъ I (1731).

. . . . . .

Наблюдали ли вы когда-нибудь, читатель, что дѣлается съ кускомъ сахара, опущеннымъ въ горячій чай? Сначала сахаръ пуститъ нѣсколько пузырей—вѣрный признакъ, что вода проникла во всѣ его скважины. Проникнувъ, вода начинаетъ откалывать мельчайшія частицы отъ граней сахарнаго куска. Отпадаетъ кристаллъ за кристалломъ, середина куска зловѣще проваливается и, наконецъ, весь кусокъ распадается на мелкіе безформенные кристаллы...

То же самое произошло съ Турціей... Лакомый кусокъ, опущенный въ горячую воду европейскихъ государствъ, сталъ таять не по днямъ, а по часамъ: нынче отвалился кристаллъ — Албанія, завтра кристаллъ — Крымъ, потомъ Сербія, Молдавія, Валахія—таетъ, таетъ турецкій сахаръ, до сихъ поръ таетъ...

И до того дошло все это, что теперь осталось только чьей-нибудь энергичной рукѣ сунуть въ горячій чай стальную ложку — да и размѣшать хорошенько оставшіеся кристаллы.

Когда я пишу эти строки, Россія, вызванная на драку одряхлѣвшей, поглупѣвшей Турціей—уже дѣлаетъ вышеозначенную операцію.

Въ исходѣ ея сомнѣваться невозможно.

* *
*

Эліасъ Реньо говоритъ о Турціи сороковыхъ годовъ: „Турція представляла собою поле битвы, на которомъ великія державы вели войну между собою".

Представьте себѣ, что къ нѣкоему человѣку пришли гости... Усѣлись за столъ, стали пить-ѣсть, но вотъ среди ѣды одинъ изъ гостей вдругъ начинаетъ поглядывать на жену хозяина самымъ недвусмысленнымъ образомъ.

— Послушайте, не смотрите на нее такъ,—замѣчаетъ другой гость.

— Это еще почему?

— Она мнѣ самому нравится.

— Наплевать, что она вамъ нравится. Вотъ буду смотрѣть и буду.

— Попробуй! Если еще разъ взглянешь, разобью бутылкой эту лампу. Ахъ, такъ?! Бацъ!

— Послушайте,—робко замѣчаетъ хозяинъ.—Зачѣмъ же вы разбили лампу?

— И разобью! Еще какъ разобью! Пусть онъ не заглядывается на твою жену!! Я самъ на нее хочу заглядываться.

Первый гость вскипаетъ:

— Какъ, и ты къ ней лапы протягиваешь? Такъ вотъ же тебѣ за это: разбиваю стуломъ буфетъ и выливаю супъ въ рояль!!

— Позвольте, господа,—стонетъ хозяинъ, бѣгая за разбушевавшимися гостями.—Зачѣмъ же вы обстановку портите?

— Не допущу я, чтобы онъ рояль супомъ поливалъ. Если онъ такъ,—такъ я этимъ подсвѣчникомъ продырявливаю картину... Хлопъ!

— Ты картины портишь? А я за это на коверъ керосинъ пролью и подожгу!

— Не смѣешь! Если ты это сдѣлаешь, граммофонъ въ окно выброшу и вымажу вареньемъ диванъ!

— Господа, ради Бога...

Но увлеченные распрей гости уже не слышатъ стоновъ и увѣреній хозяина...

Все трещитъ, падаетъ, лопается и разбивается... Уставшій, охрипшій хозяинъ уже сидитъ въ уголкѣ на поломанныхъ стѣнныхъ часахъ и молча наблюдаетъ за состязаніемъ гостей...

Вотъ что переживала Турція въ эти годы.

Султаномъ тогда былъ Абдулъ-Азисъ, который ничѣмъ особеннымъ не отличался, кромѣ коварства и жестокости. Къ концу своей жизни онъ сдѣлалъ одно важное для себя открытіе: открылъ ножницами вены на своей рукѣ.

Это открытіе стоило ему жизни.

Ему послѣдовалъ Мурадъ V. Царствовалъ онъ не долго и кончилъ тѣмъ, съ чего многіе турецкіе султаны начинали—лишился разсудка.

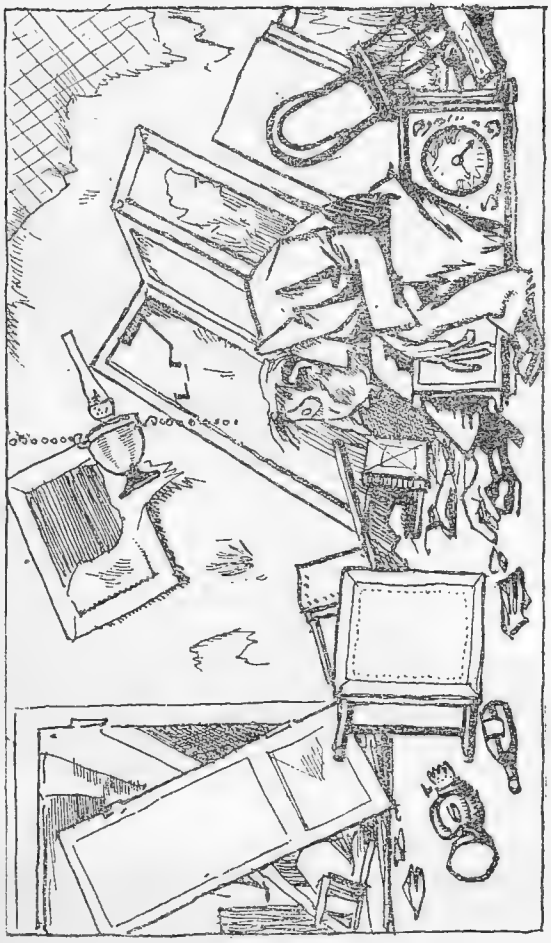
Ему послѣдовалъ—знаете кто?

Абдулъ-Гамидъ! ни болѣе, ни менѣе.

Этотъ султанъ могъ на свободѣ подсчитать, что принадлежало Турціи и что уже не принадлежитъ!! Именно—Турція потеряла за истекшій вѣкъ: Грецію, Румынію, Сербію, Черногорію, Болгарію, Восточную Румелію, Кипръ, Боснію и Герцеговину, Тунисъ, Триполи и часть Закавказья, Египетъ, Критъ.

Собственно говоря, турецкимъ султанамъ приходилось обращаться съ географической картой своей родины, какъ съ процентной бумагой — каждый годъ отстригать отъ нея купоны—Сербію, Черногорію, Триполи и т. д.

Преемнику Абдулъ-Гамида, Магомету, досталась одна голая процентная бумага безъ купоновъ... Эта бумага такъ мала, что онъ каждый день рискуетъ ее потерять.



Усталый, охрипшій хозяинъ уже сидитъ въ уголкѣ на поломанныхъ стѣнныхъ часахъ.

Территорія и населеніе.

Ошибочно думать, что если Турція—Турція, такъ ужъ она и должна быть населена турками.

Примѣръ нидерландовъ, населенныхъ совершенно

постороннимъ народомъ— голландцами, долженъ бы удержать географа отъ столь поспѣшнаго утвержденія.

Дѣйствительно, Турція населена османами и то изрѣдка.

А слово „турокъ“ употребляется въ Оттоманской имперіи, какъ ругательное слово, означающее понятіе „грязный, невѣжественный мужикъ...“ (См. И. Голобородько).

Такъ что, турки часто переругиваются на базарахъ:

— Ахъ ты, турокъ этакій!

— Отъ такого слышу!

Восточныя границы Турціи соприкасаются съ Россіей. Если мы у нихъ что-нибудь и отвоюемъ, то границы все-таки будутъ соприкасаться. Да послужитъ это лукавымъ османамъ нѣкоторымъ утѣшеніемъ!

Сѣверная — примыкаетъ къ Черногоріи, Австріи, Сербіи и Румыніи. Нельзя сказать, чтобы страны эти были польщены такимъ сосѣдствомъ.

Западная—проходитъ по Адріатическому и Іоническому морямъ, а южная—теряется въ безплодныхъ пустыняхъ Аравіи и Африки. Впрочемъ, и предыдущія границы тоже постепенно теряются.

Въ этихъ границахъ заключены разные народы, связанные общностью жизненныхъ интересовъ. Общность заключается въ томъ, что одна часть населенія рѣжетъ другую, а другая часть населенія протестуетъ.

Турецкіе города.

Турецкіе города строятся крайне своеобразно: каждый строитъ домъ, гдѣ хочетъ. То, что у насъ называется улицей, у турокъ не существуетъ. Дома часто строятся посреди улицы. Конечно, есть узкіе переулочки, но они созданы именно условіями постройки—нужно же было по какому-нибудь пути подвозить строительные матеріалы.

Переулки эти такъ узки, что два встрѣтившихся осла (четвероногихъ, а не строители) застреваютъ между стѣнъ; поддерживая традиціи своего племенного упрямства, разойтись не могутъ и, большей частью, гибнутъ. Скелеты ихъ растаскиваютъ собаки впредь до новой ослиной встрѣчи (Элизе Реклю).

Крыши домовъ напоминаютъ остроты бульварныхъ газетъ—онѣ плоски, стары и исполняютъ чуждую имъ роль—на нихъ сидятъ по вечерамъ.

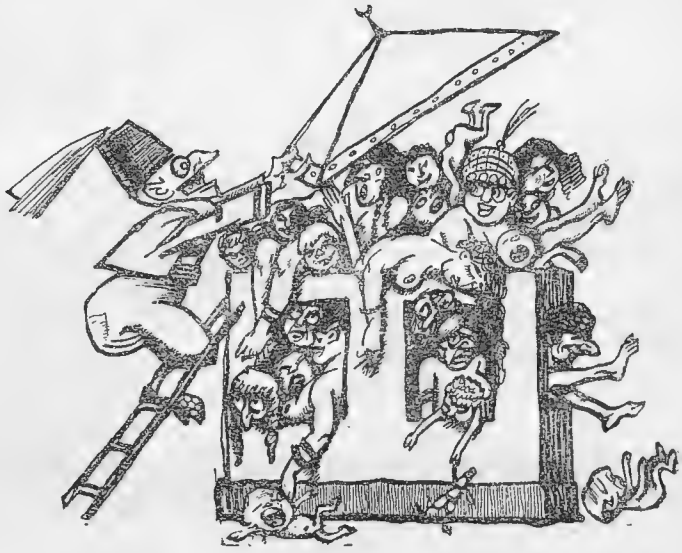
Часто узкіе кривые переулки перерѣзываются... кладбищемъ. Дѣло въ томъ, что турецкія кладбища не выносятся за черту города, а устраиваются тутъ же, подъ бокомъ.

Дѣлается это для того, чтобы не тащить далеко покойника—лѣнь. Да и жарко.

И если турокъ, потерявши родственника, имѣетъ возможность спустить его изъ окна комнаты прямо въ яму у стѣны—такой турокъ считаетъ себя удачникомъ и баловнемъ судьбы.

Много ли, дѣйствительно, турку надо.

Турецкіе дома устраиваются кое-какъ. Назначеніе дома очень ограничено—насовать туда побольше женъ и дѣтей, а самому сидѣть въ кофейной.



Назначеніе дома очень ограничено—насовать туда побольше женъ и дѣтей, а самому сидѣтъ въ кофейной.

Холостые и бездѣтные турки домовъ не имѣютъ—живутъ въ кофейнѣ.

Дома турки не обѣдаютъ—ѣдятъ въ кофейнѣ.

Они бы и спали кофейнѣ, но нельзя, нужно идти къ женамъ—такъ велитъ шаріатъ (кажется, авторъ къ мѣсту ввернулъ это турецкое словечко).

Вотъ картинка турецкой улицы:

... Жарко. Узкая каменистая улица, посрединѣ которой бьетъ фонтанъ. На припекѣ у фонтана томятся ослы, буйволы, верблюды и лѣниво потягиваютъ изъ фонтана холодную воду. Тутъ же подъ многочисленными копытами копошатся ребятишки — ничего если кое-кого и раздавитъ буйволовое копыто—дѣтей много, а поднимать скандалъ по этому поводу лѣнь.

Хозяева и погонщики животныхъ забрались въ полутемную прохладную кофейню и потягиваютъ черный густой кофе изъ такихъ маленькихъ чашечекъ, что проглотить ее по разсѣянности—не представляетъ особаго вреда для здоровья. Пьютъ кофе, молчатъ, затягиваются наргилэ *).

Молчатъ.

Турокъ, вообще, не разговорчивъ.

Между восемью часами утра и шестью часами вечера, турокъ способенъ поддержать только такой разговоръ:

— Кофеджи! Кофе.

— Да.

Подсаживается сосѣдъ. Молчатъ.

Въ исходѣ двѣнадцатаго часа первый замѣчаетъ:

— Жарко. Э?

Спрошенный турокъ погружается въ глубокую задумчивость. Очевидно, его внутренно взволновалъ и вызвалъ массу соображеній вопросъ сосѣда.

Послѣ долгаго молчанія, онъ вздыхаетъ и разражается рѣчью:

— Да,—говоритъ онъ.

Солнце жаритъ во всю. Кофе выпитъ. Вода, полагающаяся къ нему, тоже выпита. Оба поворачиваютъ глаза и сосредоточенно глядятъ на ослѣпительно сверкающую горячую улицу.

— Оселъ прошелъ,—выдавливаетъ изъ себя одинъ.

— Да,—послѣ мучительнаго раздумья соглашается сосѣдъ.—Это вѣрно.

— Навѣрное, Абдулки кривого.

---

*) Нѣкоторые турковѣды полагаютъ, что наргилэ—родъ корсета, но это не точно. Хотя имъ и можно затянуться, однако, это не болѣе какъ курительный приборъ.

Авторъ.

— Вотъ оселъ прошелъ...

— Его. Съ подпалиной.

— Стало прохладнѣй.

— Да. Вечеръ.

— Уходишь? Храни тебя Аллахъ.

— И тебя. Кофеджи! Еще.

— Ты же хотѣлъ уходить?

— Промочить горло надо; отъ разговора пересохло.

А дома, укладываясь на оттоманку, онъ говоритъ женѣ, толстой Фатимѣ:

— Заговорился съ Ибрагимомъ, не замѣтилъ, какъ и день прошелъ. Охо-хо.

— Аллахъ великъ,—замѣчаетъ Фатима.

— Еще бы,—соглашается турокъ.

И засыпаетъ.

Если турокъ не идетъ—онъ сидитъ. Стоять онъ не можетъ—лѣнь. Сейчасъ же садится.

Автору только однажды удалось увидѣть не сидящаго турка. И то, въ этомъ зрѣлищѣ не оказалось ничего удивительнаго, ибо онъ лежалъ.

Стремленіе турокъ къ лѣни, къ лежанью на диванахъ, отразилось даже на наименованіяхъ европейской меблировки:

Оттоманка—слово турецкое.

Тахта—слово турецкое.

Диванъ—слово турецкое.

Даже государственный совѣтъ такъ и названъ: диванъ.

До того дошло, что „оттоманка“ такъ и происходитъ даже отъ наименованія націи: оттоманы.

А можно представить себѣ мебель подъ названіемъ тевтонка или шведка? Нѣтъ. Наоборотъ, нѣтъ ничего быстрѣе шведокъ.

Отсюда ясно, что климатъ оказываетъ прямое вліяніе на подвижность народонаселенія.

Турецкая лѣнь выражается еще и въ другомъ—въ страсти къ слугамъ.

Знатокъ Турціи И. Голобородько говоритъ: „нигдѣ нѣтъ такой спеціализаціи домашнихъ обязанностей, какъ въ Турціи. Каждому изъ слугъ ввѣряется опредѣленное дѣло, отъ котораго онъ ни на шагъ не уклонится въ сторону. Кофеджи, на обязанности котораго лежитъ варка кофе, — тотъ не принесетъ воды для омовенія, а чубукчи, въ вѣдѣніи котораго находятся курительныя принадлежности, сочтетъ немыслимымъ побѣжать для хозяина за кофе. Да и вообще (заключаетъ Голобородько), стараются прикасаться къ работамъ возможно меньше“.

Въ богатыхъ турецкихъ домахъ спеціализація эта доходитъ до того, что существуетъ палачъ пойманныхъ блохъ (ловитъ ихъ другой слуга), выбрасыватель обгорѣвшихъ спичекъ и хранитель ящика, въ которомъ лежитъ ключъ отъ другого ящика, гдѣ ничего не лежитъ.

Кромѣ этой своей спеціальности, перечисленные слуги ничего не дѣлаютъ.

Правда, Голобородько объ этомъ ничего не говоритъ, но говорю это я, авторъ настоящихъ строкъ—

Палачъ блохъ.

(Къ стр. 125).

самъ хохолъ, не хуже Голобородьки. И лгать и выдумывать ни онъ, ни я—мы себѣ не позволимъ.

Слуги турку обходятся дешево. Пищей имъ служитъ горсть рису съ кусочкомъ баранины (горсть—въ прямомъ смыслѣ слова, потому что ложекъ и вилокъ нѣтъ), а одежда носится десятки лѣтъ, ибо при турецкомъ климатѣ и простотѣ нравовъ, вся одежда слуги огра-

ничивается висящимъ въ шкафу халатомъ и туфлями, стоящими въ передней.

Что касается хозяевъ, то они стараются навертѣть на себя какъ можно больше матерій: на головѣ наверчено, на животѣ наверчено, а шаровары такія широкія, что бѣдное турецкое семейство можетъ моментально спрятаться въ нихъ при видѣ кредитора.

Подробно описывать одежду турокъ и турчанокъ не стоитъ—всякій курящій читатель могъ видѣть это на табачныхъ коробкахъ, и, конечно, можетъ просвѣтить на этотъ счетъ некурящаго.

Турецкій характеръ.

Искусство ничего-недѣланія турки довели до совершенства...

Попробуйте поймать какого-нибудь европейца, свяжите его веревками, чтобы онъ не убѣжалъ, накормите его, обезпечьте его семью, положите его, связаннаго, на диванъ, суньте ему въ ротъ чубукъ, обложите его подушками и скажите ему:

— Не смѣй ничего дѣлать!

Такъ онъ васъ и послушаетъ! Сейчасъ же мозгъ его лихорадочно заработаетъ, тысячи новыхъ мыслей, образовъ и представленій зашевелятся въ головѣ его.

Начнется сложная, хлопотливая внутренняя жизнь.

А поставьте въ эти условія турка—онъ будетъ въ восторгѣ, онъ будетъ думать, что рай Магомета осуществился...

Если вы придете къ нему послѣ этого и скажете:

— Сейчасъ я буду тебѣ рѣзать горло,—онъ подниметъ на васъ лѣнивые черные глаза и согласится:

— Рѣжь.

Вы думаете, это фатализмъ? Просто ему лѣнь спорить.

Что касается характера турчанки, то съ нимъ произошла странная исторія: или его нѣтъ (у гаремныхъ женщинъ) или онъ настолько напоминаетъ характеръ европейской суффражистки (у эмансипированныхъ турчанокъ), что о немъ не стоитъ и говорить.

Не стóитъ, такъ и не стóитъ.

Честность турокъ вошла въ пословицу.

Жульничество турокъ, мздоимство и всяческія утѣсненія тоже вошли въ пословицу.

Все вошло въ пословицу. Тому, кому это покажется страннымъ, отвѣчу, что это вовсе не должно казаться, страннымъ. Дѣло въ томъ, что турки рѣзко раздѣляются на двѣ категоріи: чиновники и вообще начальство—жулики, а, простые турки—честный, трудолюбивый работящій народъ.

Если честнаго простого турка изъ народа сдѣлать чиновникомъ—онъ, послѣ нѣкоторой борьбы съ собой, переходитъ въ лагерь жуликовъ. Но если вы чиновника разжалуете въ простые турки—онъ уже честнымъ туркомъ не сдѣлается. Такъ въ жуликахъ и застрянетъ до конца жизни.

Это то, что у многослужившихъ солдатъ называется „выправкой“.

Военный и въ штатскомъ платьѣ будетъ производить впечатлѣніе военнаго.

Турецкій чиновникъ и въ штатскомъ платьѣ будетъ ошеломлять окружающихъ своимъ жульничествомъ.

Турецкая торговля очень своеобразна. Она ничуть не напоминаетъ еврейскихъ или армянскихъ купеческихъ пріемовъ.

Еврейскій купецъ на турецкомъ базарѣ, увидя проходящаго человѣка, какъ пуля, вылетаетъ изъ дверей

лавки, обрушивается на прохожаго и категорически заявляетъ:

— Пожалуйте, господинъ. У насъ покупали.

Простодушный иностранецъ впадаетъ въ глубокое изумленіе:

— Я? У васъ? Покупалъ? Да я только нынче утромъ впервые пріѣхалъ въ этотъ городъ изъ Бейрута.

— Пожалуйте, господинъ... Своему покупателю уступимъ!

— Ей Богу, увѣряю васъ—тутъ какое-нибудь недоразумѣніе... Вы, вѣроятно, ошиблись, благодаря случайному сходству... Я никогда ничего у васъ не покупалъ.

— Ну, такъ вы зайдите въ лавку; что вамъ, трудно, что-ли?

— Зачѣмъ-же... Покупокъ я дѣлать не собираюсь.

— Такъ что́ вы—посмотрѣть товаръ, больной будете? Эти ковры, скажете, плохіе? Ну, вотъ, я вамъ говорю: этотъ коверъ мы продаемъ по 60 піастровъ, а вамъ [я отдамъ за 35. А сами мы платимъ фабрикѣ 40.

— Боже! но вѣдь это, значитъ, вы продаете въ явный убытокъ!

— Такъ что? Для такого хорошаго покупателя можно взять и убытокъ!..

— Дѣйствительно, — думаетъ довѣрчивый иностранецъ,—можетъ быть, во мнѣ и есть что-нибудь обаятельное, влекущее къ себѣ людей. Недаромъ же этотъ добрый торговецъ, движимый чувствомъ непобѣдимой симпатіи, готовъ идти на всѣ жертвы, вплоть до убытка.

Покупатель бросаетъ быстрый взглядъ въ близъ висящее зеркало и, увѣрившись въ своихъ себялюбивыхъ предположеніяхъ, покупаетъ дряной рѣденькій коверъ, отплачивая тѣмъ самымъ продавцу за исключительно симпатичное отношеніе.

Если же вы зайдете въ лавку къ турку (сами зайдете—никто васъ не потащитъ), турокъ медленно поднимется со своего мѣста, молча выслушаетъ васъ и неторопливо развернетъ спрашиваемую вещь.

Стоитъ, ждетъ, равнодушно поглядывая въ пыльное, тусклое окно.

— Сколько?

— 28.

— Ну, что вы! И двадцати будетъ предовольно.

— Нельзя. 28.

— Ну, хоть 23. Неужели, не можете уступить?!

Дремлющій взглядъ, устремленный на одну изъ деревянныхъ полокъ:

— Нельзя.

— Ну, тогда я уйду.

Въ обычной торговлѣ есть такой психологическій моментъ, когда покупатель, не согласившись съ цѣной продавца, дѣлаетъ видъ, что уходитъ, а продавецъ дѣлаетъ видъ, что отпускаетъ покупателя, но оба изъподъ опущенныхъ вѣкъ зорко слѣдятъ другъ за другомъ—не поколеблется-ли, не дрогнетъ-ли та или другая сторона.

Покупатель, скажемъ, уже взялся за ручку выходной двери, а продавецъ дѣлаетъ видъ, что прячетъ несходную по цѣнѣ вещь. И вотъ, если покупатель скажетъ, будто-бы уходя: „неужели не уступите? Ей Богу, дорого“—значитъ, онъ уже сдается, уже слабѣетъ и продавецъ тогда сразу забираетъ силу надъ нимъ.

Если же скажетъ продавецъ: „Взяли бы. Увѣряю васъ, нигдѣ дешевле не найдете“...—значитъ, его дѣло проиграно; покупатель можетъ брать его голыми руками.

Съ туркомъ эта психологическая сцена никогда не удается.

— Не уступите?—угрожающе скажетъ покупатель.— Хорошо-же! Тогда я ухожу.

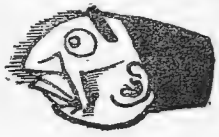
Турокъ поглядитъ на чудака равнодушно, какъ на скамеечку для ногъ, и отойдетъ въ свой уголъ.

Тщетно будетъ покупатель топтаться у дверей, будто нашаривая запропастившуюся куда-то дверную ручку, а втайнѣ ожидая, не вернетъ-ли его хозяинъ?

Нѣтъ. Не вернетъ.

И просидитъ такъ дремлющій спокойный турокъ до заката солнца, т. е. до того времени, когда нужно закрывать лавку.

Кстати, солнце играетъ въ турецкой жизни огромную роль. По солнцу ѣдятъ, молятся, распредѣляютъ всѣ свои занятія, женятся и умираютъ.



Часовъ изъ металла нѣтъ; турецкіе часы для всѣхъ одинаковы и находятся такъ высоко, что ни заложить,ни вытянуть ихъ изъ кармана у ближняго—никакъ нельзя.

А если солнце (что чрезвычайно рѣдко) заходитъ за тучку, то всѣ часы, такимъ образомъ, разомъ останавливаются и никто, кромѣ Господа Бога, не можетъ снова пустить ихъ въ ходъ.

Въ Турціи до сихъ поръ принято лунное лѣтоисчисленіе. Годъ состоитъ изъ 12 оборотовъ луны, т. е. изъ 354 или 355 дней.

Куда турки дѣваютъ каждый годъ 11 дней—неизвѣстно. Вѣроятно, ничего въ эти дни не дѣлаютъ. Пересиживаютъ ихъ въ кофейнѣ. Но такъ какъ они и всѣ остальные дни торчатъ въ кофейнѣ, то эта неразбериха должна тяжело отражаться на турецкомъ самочувствіи.

Для тѣхъ легкомысленныхъ и суетныхъ читателей настоящаго изслѣдованія,—читателей, которые не прочь щегольнуть въ малознакомомъ обществѣ знаніемъ иностранныхъ языковъ и обычаевъ,—сообщаемъ, что турецкіе мѣсяцы носятъ такія названія: Мухаремъ, Сафаръ, Робигуль-Овааль I, Рубигуль-Овааль II, Джумада I, Джумада II, Роджабъ, Шагбанъ, Рамазанъ, Шавваль, Зуль-кагде, Зюльхидже... Ф-фу!..

Навести разговоръ на этотъ сюжетъ нужно осторожно. Спросишь, напримѣръ:

— Какой у насъ теперь мѣсяцъ?

— Январь.

— Какъ странно. А у турокъ совсѣмъ иначе называется...

— А какъ?—вѣжливо спросятъ окружающіе.

— Ну, какъ-же: Мухаремъ!

— Что вы говорите?!

— Ужъ будьте покойны. Потомъ есть Сафаръ, Джумада, Зюльхидже...

Будьте увѣрены, что, возвращаясь изъ гостей домой, матери будутъ говорить своимъ дочкамъ:

— Какой умный человѣкъ Сергѣй Сергѣичъ—всѣ мѣсяцы по турецки знаетъ.

А дочка согласится:

— Да. Въ немъ есть что-то экзотическое.

Такъ достигается успѣхъ въ обществѣ.

Если ужъ я началъ говорить о турецкихъ странностяхъ, то отъ мѣсяцевъ можно перейти къ фамиліямъ.

У турокъ фамилій не существуетъ. Напримѣръ, называютъ человѣка такъ: Магометъ, ага Таифскій, т. е. Магометъ, землевладѣлецъ изъ Таифы. (см. Голобородько).

Отъ этого никому не легче.

У насъ бы такая система создала тысячу затрудненій.

Напримѣръ: имѣемъ мы столичнаго клубнаго арапа Ваничку Лапа-Чумацкаго.

Такъ весь Петроградъ его и знаетъ: „а! Ваничка Лапа-Чумацкій“.

А попробуйте передѣлать его на турецкій ладъ:

— „Иванъ, арапъ изъ Петрограда“.

Ни одна душа по этой кличкѣ не розыщетъ его, чтобы пригласить на ужинъ или просто намять бока за нечистую игру и распущенную сплетню о вашей женѣ.

Да и у турокъ, я думаю, эта путанница въ именахъ создаетъ тысячу недоразумѣній.

Приходитъ турокъ въ военное министерство повидать своего брата, служащаго въ министерствѣ канцелярскимъ писцомъ. Обращается къ швейцару:

— Скажи, гдѣ я могу найти Абдула?

— Какого Абдула?

— А брата моего.

— Мало ли у насъ Абдуловъ. На немъ не написано, что онъ твой братъ.

— Да онъ тутъ служитъ, въ этомъ же министерствѣ Писцомъ.

— У насъ четыреста писцовъ.

— Ну... онъ же... Абдулъ.

— Восемьдесятъ Абдуловъ у насъ!

— Такой черненькій, маленькій.

— Двадцать три изъ нихъ черненькихъ, маленькихъ.

— Одѣтъ въ синюю куртку!!

— Четырнадцать человѣкъ одѣты въ синія куртки.

Больше у брата никакихъ отличительныхъ признаковъ не находится.

Обезсиленный братъ даетъ швейцару бакшишъ и проситъ вызвать всѣхъ четырнадцать человѣкъ—для выбора.

Отъ этого въ дѣлахъ происходитъ задержка, а у автора является мысль: не потому ли Турція такъ отстала отъ семьи другихъ народовъ?

Турки гостепріимны.

Въ турецкомъ домѣ никогда не услышишь „европейскаго“ шопота въ заднихъ комнатахъ:

— Опять этотъ ничтожный слизнякъ притащился въ гости?! Когда его, наконецъ, приберетъ могила, обжору разнесчастнаго!..

Турки всегда искренно рады гостю.

А албанцы даже говорятъ такъ: „Если бы ко мнѣ въ хижину явился заклятый врагъ, держа въ рукахъ голову моего сына, я и тогда долженъ былъ бы дать ему пріютъ и позаботиться о его удобствѣ“ (И. И. Г. стр. 22).

Не знаю, какъ читатели, а пишущій эти строки, доведись ему принять такого гостя, едва ли выдержалъ бы роль любезнаго хозяина.

Въ тюрьму бы авторъ отправилъ такого негодяя, а ужъ не позволилъ бы ему у себя въ гостиной вести свѣтскій разговоръ, перебрасывая изъ руки въ руку голову малютки...

Положимъ, албанцы, вообще, достаточно начудили за послѣднее время.

Развлеченія турокъ.

Если не считать рѣзни армянъ—турецкая жизнь бѣдна развлеченіями.

У турка есть три сорта клубовъ: кофейная, цирюльня и баня.

Въ кофейнѣ,кромѣ систематическаго упорнаго питья кофе, есть еще одна приманка: разсказчики.

Гдѣ-нибудь въ американскихъ преріяхъ прямолинейные рѣшительные вакеро и ковбои давно бы уже повѣсили такого разсказчика въ наказаніе за мучительное медленное выматываніе жилъ изъ слушателя...

А турки неприхотливы. Молча сносятъ это. Да еще и деньги даютъ...

Мнѣ перевели однажды такой турецкій разсказъ. Вотъ это что:

„Однажды въ Смирнѣ жилъ богатый кожевенный мастеръ Керимъ, и у него была жена Зафара, что значитъ, взятая отъ солнца. И пришелъ къ Кериму злой духъ и говоритъ: Керимъ, Керимъ отдай мнѣ твою жену", а Керимъ говоритъ: „не отдамъ". А тогда злой духъ говоритъ: „ну, я тебя превращу въ осла". Дѣйствительно, превратилъ, а женузабралъ себѣ. Жена въ скорости исчезла, а Керимъ такъ и остался осломъ. Все".

Слушатели, которые тоже недалеко ушли отъ Керима, довольны разсказомъ и осыпаютъ разсказчика деньгами.

Цирюльня славится, главнымъ образомъ, какъ мѣсто, въ которомъ концентрируются сплетни. Бѣдны онѣ и незатѣйливы... Нѣтъ въ нихъ европейскаго блеска и фантазіи.

— Слышалъ,—говорятъ Ахметъ Мамету.—Джавидка себѣ еще жену беретъ.

— Собака этотъ Джевидка,—мямлитъ Маметъ.— А ты слышалъ, чтв Солеймана поймали у каймакама въ то время, какъ онъ лошадь хотѣлъ украсть.

— Навѣрное, достанется ему за это.

— Достанется.

— А на базарѣ, говоритъ, нынче одному персюку голову отрѣзали.

— Персюку?

— Да.
— Угу... ммъ...
Дремлютъ, ожидая очереди.
Вотъ и всѣ сплетни.
О туркахъ поэтъ сказалъ такъ:

Создалъ сплетню, подобную стону,
И навѣки духовно почилъ...

(Коранъ XI, 3—7, 22).

Семейныя торжества.

Главныя семейныя торжества—свадьба и рожденіе.

Не въ примѣръ европейскимъ обычаямъ, турки тщательно сохраняютъ строгую послѣдовательность этихъ двухъ событій: 1) свадьба; 2) рожденіе.

Такимъ образомъ, причина никогда не плетется въ хвостѣ слѣдствія.

Европейцы же часто считаютъ свадьбу печальнымъ слѣдствіемъ и прибѣгаютъ къ нему уже тогда, когда причина довольно твердо выговариваетъ: „папа“ и „мама“.

По турецкому обычаю мужъ до свадьбы не видитъ своей жены.

И опять происходитъ обратное европейскимъ обычаямъ: европейскому мужу это выпадаетъ послѣ свадьбы...

Обрядъ вѣнчанія—гражданскій, даже въ томъ случаѣ, если мужъ—военный.

Мужа просто спрашиваютъ:
— Согласенъ ли онъ взять въ жены такую-то?
Мужъ отнюдь не долженъ отвѣчать.
— Глупый вопросъ! А зачѣмъ же я здѣсь?
Онъ кротко говоритъ трижды:

— Согласенъ, согласенъ, согласенъ!

— Ладно,—думаетъ мулла,—тебѣ же хуже,—и тутъ же обращается къ невѣстѣ:

— Согласна?

— Согласна, согласна, согласна.

Этотъ обрядъ называется по-турецки: „сварганить свадьбу".

Послѣ обряда невѣста отправляется въ гаремлыкъ, а женихъ въ селямликъ, гдѣ съ друзьями и напивается, хотя Пророкъ и запрещаетъ пить вино.

Во время пира гости салютуютъ стрѣльбой изъ ружей и револьверовъ въ воздухъ, хотя иногда дѣло ограничивается не однимъ воздухомъ.

А около невѣсты въ это время толкотня, давка. Всѣ женщины квартала и даже просто прохожія, набившись въ комнату, осматриваютъ и ощупываютъ невѣсту такъ, будто отъ этого зависитъ ихъ жизнь.

Вечеромъ, когда новобрачный отправляется къ женѣ, по дорогѣ его встрѣчаютъ друзья и „колотятъ его старой подошвой, плетками и кулаками, чтобы (по свидѣтельству того же всезнающаго Голобородьки), предохранить отъ дурного глаза и выбить изъ него тоску".

И въ третій разъ, турецкій обычай поколачиванія мужа друзьями рѣзко расходится съ европейскимъ обычаемъ, по которому это совершается наоборотъ и не до брака, а послѣ..

Все у этихъ турокъ, какъ говорится, шиворотъ навыворотъ...

Итакъ—за бракомъ въ турецкомъ семействѣ послѣдовательно идетъ рожденіе.

Снова комнаты набиваются сосѣдками, которыя радуются, сами не зная чему...

Новорожденный лежитъ подъ шелковымъ пологомъ, на шею ему вѣшается амулетъ со священными изре-

ченіями и кусочками чесноку (?!). Въ нѣкоторыхъ провинціяхъ Турціи новорожденнаго посыпаютъ солью и обмазываютъ масломъ.

Приготовляютъ младенца такимъ образомъ отнюдь не для ѣды, а скорѣе изъ соображеній чисто религіозныхъ.

У насъ въ Россіи тоже существуетъ старинный обычай обмазыванія горчицей расторопныхъ официантовъ, но обычай этотъ имѣетъ, вѣроятно, другое происхожденіе, чуждое всякой религіозности.

Къ приготовленному въ прокъ турецкому ребенку начинаютъ подходить всѣ сосѣдки и знакомые, выражая ему всякія пожеланія и тутъ же, во избѣжаніе дурного глаза, сплевываютъ въ сторону. Отецъ ребенка въ этой сторонѣ обычно избѣгаетъ стоять.

Послѣ обряда плаванія появляются именитые гости, которыхъ хозяинъ встрѣчаетъ кланяясь и касаясь, по обычаю, правой рукой сердца, губъ и лба.

Значеніе этихъ жестовъ, вѣроятно, такое: сначала хозяинъ провѣряетъ, на мѣстѣ ли бумажникъ, потомъ, касаясь губъ намекаетъ, чтобы гость не болталъ, чего не надо, а прикосновеніемъ ко лбу выражаетъ мнѣніе, что въ головѣ посѣтителя не все кажется ему, хозяину, въ порядкѣ.

Однако, гость не обижается—ибо обычай есть обычай.

Примѣчательно то, что на Востокѣ празднуется только рожденіе мальчика. Дѣвочку и за человѣка не считаютъ. О числѣ дѣтей женскаго пола не принято освѣдомляться. Если турокъ говоритъ, что у него трое

дѣтей, это значитъ—три сына, хотя бы они были дураки самые непроходимые.

Не потому ли турецкія дѣвушки дѣлаютъ слабыя попытки скрыть свой полъ, закрывая лицо фатой?

Смерть.

Ввиду того, что турку обѣщаны въ раю семьдесятъ семь гурій и битье баклушъ всю райскую жизнь—онъ смерти не боится.

И родные его относятся къ этому событію съ завиднымъ равнодушіемъ.

— Смотри, Наира,—говоритъ старая тетка хозяйкѣ дома.—Никакъ твой мужъ умеръ.

— Да, да, съ чего это ему вздумалось?

Легкое удивленіе. Потомъ покойника кладутъ головой къ Меккѣ, обмываютъ и въ тотъ же день хоронятъ.

Пророкъ, имѣя въ виду жаркій климатъ, совѣтуетъ совершать погребеніе въ тотъ же день, а такъ какъ турку нужно все разжевать и въ ротъ положить, то этой скоропалительности существуетъ остроумное объясненіе:

— „Если покойникъ принадлежитъ къ избраннымъ, то его слѣдуетъ возможно скорѣе доставить по назначенію, если же къ отверженнымъ, спѣшите отъ него избавиться".

Стащивъ покойника на кладбище и засыпавъ его землей, всѣ окружаютъ имама, который долженъ спросить по обычаю:

— „Скажите, какова была жизнь этого человѣка?"

Въ этомъ случаѣ не принято искренно выражать свое мнѣніе:

— Проходимецъ былъ вашъ покойникъ и каналья первой степени!..

Или:

— Удивляюсь, какъ его не повѣсили за кражи и поджоги.

Эти отвѣты недопустимы. Нужно отвѣчать такъ:

— „Покойникъ былъ добродѣтеленъ".

Авторъ надѣется, что если бы его хоронили въ Турціи, то на стереотипный вопросъ имама—послѣдняя формула отвѣта была бы дана окружающими съ полной искренностью.

Турецкая женщина.

Удивительная вещь: европеецъ можетъ изучать Турцію, проникать во всѣ ея мѣста совершенно свободно, кромѣ одного мѣста—гарема. И о Турціи, однако, европеецъ ничего не знаетъ, ничего ему неизвѣстно—кромѣ гарема.

О турецкомъ гаремѣ любой встрѣченный вами европеецъ можетъ разсказать цѣлые томы.

Онъ все знаетъ—и устройство гарема, и его бытъ, обычаи, національность контингента, занятіе женъ и ихъ времяпровожденіе.

Откуда это? Почему любому европейцу (держу пари, что и всякому изъ моихъ читателей) гаремъ извѣстенъ не менѣе, чѣмъ турку? Вѣдь гаремъ—единственное мѣсто, которое турки облекли страшной таинственностью и тысячью запретовъ.

Неужели, запретный плодъ такъ сладокъ?

Поэтому, о положеніи турецкой женщины и о ея жизни въ гаремѣ распространяться не стоитъ.

Скажу только нѣсколько словъ о евнухахъ.

Евнухами называется особое племя, разбросанное по всей Турціи. Чистота нравовъ представителей этого племени такова, что турки безъ всякой боязни довѣряютъ евнухамъ охрану своихъ женъ. Не было еще случая, чтобы истинный представитель этого племени обманулъ довѣріе мужа! И все это не смотря даже на то, что своихъ собственныхъ женъ евнухи по закону племени не могутъ имѣть.

Прои схсжденіе ихъ загадочно и дѣлается еще загадочнѣе, если обратить вниманіе на слѣдующее обстоятельство: хотя евнухи не имѣютъ женъ, а слѣдовательно и дѣтей,—тѣмъ не менѣе, однако, племя это не вымираетъ.

Востокъ хранитъ много тайнъ и очень немногіе изъ нихъ—разгаданы.

Кромѣ евнуховъ, достойно пристальнаго вниманія читателя то, какъ въ Турціи происходитъ разводъ. Если бы авторъ не пользовался солиднымъ источникомъ—его могли бы упрекнуть въ измышленіи и мистификаціяхъ.

Знаете, что достаточно для турецкаго развода?

Достаточно мужу сказать: „жена, уйди отъ меня“, или: „я смотрю на тебя, какъ на спину моей сестры“—чтобы существенная часть развода была закончена.

Пусть-ка попробуетъ европейскій мужъ съ помощью такой формулы развязаться со своей женой!..

Жена его выслушаетъ: скажетъ: „дуракъ ты, братецъ“—чѣмъ вся попытка къ разводу и кончится.

Народное образованіе.

— Какое тамъ въ Турціи,—проворчитъ читатель,—народное образованіе. Самая дикая, неграмотная страна!..

Читатель! Въ Турціи уже около сорока лѣтъ существуетъ всеобщее и обязательное начальное обученіе.

То есть, въ Турціи уже давно осуществлено то, о чемъ въ Россіи только говорятъ.

И если, все-таки, турки очень косны и отсталы, то это вина ихъ программы и преподаванія въ школахъ.

А мы русскіе—умные—и тамъ, гдѣ намъ не мѣшаютъ, превосходно сами обучаемся и обучаемъ другихъ.

Чтобы, вообще, не разстраиваться,—закончимъ на этомъ напрашивающіяся параллели и сравненія.

Да здравствуетъ грядущая Россія!..

Науки и искусства.

О турецкой наукѣ серьезно говорить не приходится

Развѣ, что изрѣдка турецкій родитель высѣчетъ своего сына, и скажетъ при этомъ:

— Впередъ тебѣ наука!

На такой наукѣ далеко не уѣдешь, юношей она досыта не напитаетъ и отраду старцамъ не подастъ.

Что касается искусства, то къ скульптурѣ и живописи турки, напримѣръ, относятся такъ: „кто изобразитъ человѣка, то того вѣчно будетъ преслѣдовать и мучить это изображеніе, требуя дать ему душу“.

Съ такими принципами въ искусствѣ далеко не шагнешь,.. Кому дѣйствительно, охота намалевать человѣка, который потомъ отравитъ художнику всю жизнь,

требуя для себя души, хотя могъ бы спокойно удовольствоваться простымъ сосновымъ подрамникомъ.

Поэтому, въ живописи на стѣнахъ дворцовъ можно видѣть картину, изображающую лодку на водѣ съ веслами, поднятыми вверхъ, но безъ людей... Въ крайнемъ случаѣ, художникъ нарисуетъ лодочника, но безголоваго, вводя такимъ образомъ зрителя въ сомнѣніе— не автопортретъ ли это?

Поэтому, судить о турецкомъ искусствѣ по такимъ образцамъ все равно, какъ по поступкамъ компаніи мальчишекъ, играющихъ на одномъ дворѣ въ войну— изучать военную тактику и стратегію.

Турецкое сельское хозяйство.

Турки воздѣлываютъ кофе и табакъ.

Турецкая торговля.

Турки торгуютъ кофеемъ и табакомъ.

Главное занятіе турокъ.

Турки пьютъ кофе и курятъ табакъ.

Заключеніе.

Авторъ надѣется, что благодаря его изслѣдованію— Турція стоитъ передъ глазами читателя, какъ живая.

Незамѣтно, въ легкой общедоступной формѣ, авторъ далъ читателю множество цѣнныхъ, малоизвѣстныхъ

данныхъ и расширилъ кругозоръ читателя настолько, что вывѣска съ изображеніемъ турка или картинка изъ турецкой жизни на табачной коробкѣ—уже не будутъ волновать читателя своей загадочностью и экзотичностью.

Читатель долженъ быть благодаренъ автору за его самоотверженный трудъ, и если читателю придется хоронить автора, пусть онъ съ чистымъ сердцемъ отвѣтитъ на стереотипный вопросъ имама:

— Покойникъ былъ добродѣтеленъ и зналъ толкъ въ турецкой жизни...

Аркадій Аверченко.

КОНЕЦЪ.

СОДЕРЖАНІЕ.

стр.

Влад. Азовъ:

Германія (введеніе къ познанію оной) 7

Тэффи:

Германія 19

Арк. Буховъ:

Австрія. 45

О. Л. Д'Оръ:

Венгрія. 61

Арк. Аверченко:

Турція 101

Издательство „НОВЫЙ САТИРИКОНЪ“.

СПБургъ, Невскій пр., 98. — Телефонъ № 59-07.

Вышли въ свѣтъ и поступили въ продажу слѣдующія изданія:

АРК. АВЕРЧЕНКО.

„Охорошихъ въ сущности людяхъ“.

Сборникъ новыхъ юмористическихъ разсказовъ.

Цѣна въ обложкѣ работы художн. Ре-ми 1 р. 25 к.

Ѳома Опискинъ.

СОРНЫЯ ТРАВЫ.

Большой томъ въ трехъ частяхъ, съ портретомъ автора и предисловіемъ, любезно написаннымъ.

Аркадій Аверченко.

Цѣна книги въ обложкѣ работы Ре-ми. 1 р. 25 к.

ВЛАДИМІРЪ ВОИНОВЪ.

СОЛНЕЧНЫЕ РАЗСКАЗЫ.

Обложка художника Ре-ми. Цѣна 1 р. 25 к.

Дмитрій Цензоръ.

„ЛЕГЕНДА БУДНЕЙ“.

ЛИРИКА. Изданіе **Аркадія Аверченко.**

Оглавленіе. Часть I. **О Любви и печали.** Часть II. **Легенда Будней.** Часть III. **Раздумье.**

Обложка художника Чехонина. Цѣна 1 р. 25 к.

Издательство „НОВЫЙ САТИРИКОНЪ“.

СПБургъ, Невскій пр., 98. — Телефонъ № 59—07.

ВЫШЛИ ВЪ СВѢТЪ И ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ:

Аркадій Аверченко.

Театральная библіотека 4 тома. Въ изящныхъ обложк. худ. **Чехонина**. Цѣна каждаго тома 2 р.

Томъ I (Сборникъ одноактныхъ пьесъ).
„ II (Миніатюры и монологи для сцены).
„ („Чертова дюжина“. 12 пьесъ).
„ Iv Въ этомъ томѣ, между прочими пьесами будутъ помѣщены „Одесситы“ и „На Волгѣ“.

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ НОВАЯ КНИГА

КАЛЕНДАРЬ-АЛЬМАНАХЪ

журнала „НОВЫЙ САТИРИКОНЪ“ на 1914 г.

Масса рисунковъ обложка въ нѣсколько красокъ.

Часть I. **Офиціальная**. Часть II. **Неофиціальная**. Разсказы и статьи Арк. Аверченко, Тэффи, Арк. Бухова, Вл. Воинова, Ив. Пруткова, Ис. Гуревича, Евграфа Дольскаго и др.

ЦѢНА 1 РУБ. СЪ ПЕРЕСЫЛКОЙ.

А. МЮРЖЕ.

„БОГЕМА“.

РОСКОШНО ИЛЛЮСТРИРОВАНОЕ ИЗДАНІЕ.

Обложка работы художницы Миссъ. Цѣна 1 руб. коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Невскій пр., 98. Телефонъ № 59-07.

ВЫПИСЫВАЮЩІЕ СО СКЛАДА ИЗДАТЕЛЬСТВА ЗА ПЕРЕСЫЛКУ НЕ ПЛАТЯТЪ.

Суммы до 10 рублей можно высылать марками, почтовыми и гербовыми.

Гг. книгопродавцы благоволятъ обращаться съ заказами въ складъ изданій.

С.-Петербургъ, Невскій, 55, книжный складъ „ЗЕМЛЯ“.

Скидка обычная.